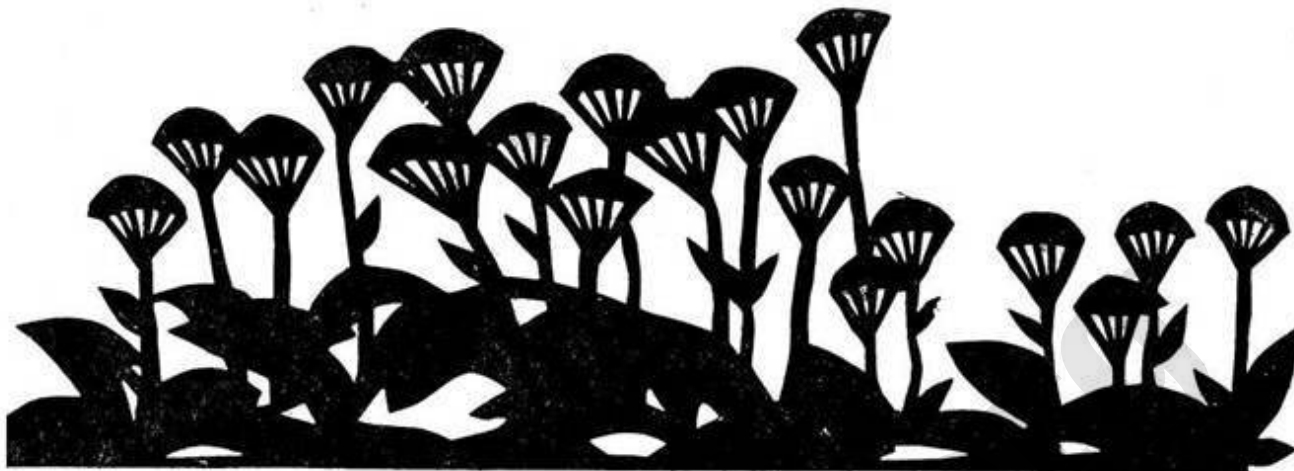

"Каникулы кота Егора (с илл.)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Николай Наволочкин
Каникулы кота Егора
Повесть
Рисунки Вл. Медведева

Хабаровское книжное издательство
1972

В деревню на каникулы

— А в школе говорят, что люди произошли от обезьяны, — сказал Люкс, старый охотничий пес.

Он лежал на крылечке и переговаривался со знакомой коровой. Корова стояла за оградой. Ограда была низенькой и нисколько не мешала задушевной беседе.

— Может быть, может быть, — согласилась корова и приклепнула хвостом комара, который гнался за ней с самых лугов. Она не любила спорить и все-таки добавила: — Может, другие люди и произошли от обезьяны, но моя хозяйка нет. Она такая добрая, такая заботливая, а эти обезьяны, говорят, только скачут да лазят по деревьям. Вот ты, Люкс, разве ты когда-нибудь видел, чтобы моя хозяйка скакала или лазила по деревьям?

Проговорив это, корова загрустила, даже ее большие карие глаза стали печальными. Она подумала, а вдруг, когда она уходит на пастбище, ее хозяйка, ее ласковая и неторопливая Петровна от нечего делать скачет по двору, или, того хуже, забирается на черемуху возле летней кухни и там прыгает по веткам. Она-то, корова, этого не видела, но вдруг такое наблюдал почтенный пес Люкс и сейчас скажет об этом. Вот стыдобушка-то будет.

Но Люкс ее успокоил. Он открыл глаза, потому что успел чуть-чуть, самую малость вздремнуть, пока корова говорила, но он все равно все слышал и поэтому сказал:

— Твоя Петровна не должна, да и мои хозяева, и молодые, и дед с бабкой тоже, но ведь кто-то все-таки произошел! Я это слышал вот этими ушами, когда лежал на завалинке под школьным окном. За тем окном учится наш Андрюшка. Ты же знаешь нашего Андрея, он ходит уже в пятый класс...

— Как не знать, — отозвалась корова. — Очень умный мальчик, недаром ему дали очки. По моему, если бы он был глупый, очки носить ему никто бы не разрешил.

— Да, это так, — подтвердил Люкс.

Ему было приятно, что корова хорошо думает об Андрее, ведь он был самым младшим его хозяином. Первый хозяин — дед, второй — Андреев отец, а уж третий — пятиклассник Андрей. Люкс хотел все это объяснить корове. Приятно вот так, под вечер, поговорить с интересным собеседником. Но тут на поленницу дров вскочил петух Петя, захлопал отчаянно крыльями, вытянул шею и загорланил:

— А к нам едет гость! Ты слышала, соседка?

Корова пожевала губами и помотала головой.

— Да, — сказал Люкс, — чуть не забыл тебе сказать. К нам едет гость.

— Издалека! — радостно пропел петух. — Из самого города! Едет на все лето! На каникулы!

— Ахти, батюшки! — забеспокоилась корова. — Уж не обезьяна ли!

— Ну что ты, соседка, — весело захлопал петух крыльями. — За кого ты нас принимаешь! К нам едет, — и он гордо приосанился, — городской кот.

— Городской! — удивилась корова.

— Из города, — подтвердил Люкс. — За ним уехала бабка, и они вот-вот должны появиться.

— Едут, едут! — защебетал из скворечника воробей. — Вон, я вижу, у сельмага пылит автобус.

— Ну, я пойду, — заторопилась корова. — Хозяйка-то моя, Петровна-то, поди заждалась, — и корова затрусилась мимо ограды домой.

— Так ты заглядывай, не забывай! — гавкнул ей вслед Люкс.

— Да уж найду, найду, — обернулась корова и рысью припустила домой.

Она торопилась поскорей прошмыгнуть мимо соседнего двора, где жила не то чтобы злая, а просто глуповатая собака. Она лаяла день-деньской на всех прохожих, на ветер, на мотоциклы, которых много развелось в поселке, на воробьев, на ржавый таз, что висел на заборе и даже на свою хозяйку. Могла она лаять и просто так — ни на кого. За это на улице ее называли Пустобрешкой, хотя, наверно, у нее было другое имя.

В этот вечер Пустобрешка почему-то молчала, и корова спокойно пробежала мимо ее двора. А тут уже рядом был ее с Петровной двор, и корова радостно замычала.

Бабка уезжала не надолго, всего на один день, и все-таки Люкс соскучился по ней, да и городского кота посмотреть хотелось.

— Ну, что там? — спросил он у воробья, — где сейчас автобус?

— Да улетел воробей, улетел бабку встречать! — сообщил петух. — Но теперь автобус и я вижу!

Петя успел перескочить с поленницы на самый высокий колышек ограды и оттуда наблюдал за автобусом.

— Вон он бежит по переулку. Забирайся сюда, Люкс. Отсюда все видно.

— Стар я лазить по заборам, — ответил пес. — Пойду-ка я лучше встречу бабку на улице.

— Подъезжают! Подъезжают! — зачирикал, вернувшись к скворечнику, воробей.

Он запыхался, был чем-то взволнован, быстренько юркнул в скворечник и уже оттуда спросил:

— А он, кот этот, воробьев ест?

— Не должен, все-таки городской, — успокоил Люкс, направляясь к калитке. — Ты подумай, воробей, — мы здесь хозяева, а он гость. Неудобно как-то гостю есть хозяев. Тогда и в гости никто не позовет...

— За себя я не боюсь! — крикнул с колышка петух. — Но ты, воробей, держись первое время подальше.

На самом деле и петух немного побаивался кота. Кто их знает, какие они, эти городские. Поселковых-то кошек сам Петя и три его курицы — Пеструшка, Хохлатка и Белушка — не боялись.

В это время на улице фыркнул и остановился автобус. На крылечко выскочили Андрюша и его маленькая сестренка Галя. За ними с газетой в руках показался дед. Закудахтали в курятнике курицы, закукарекал с поленницы Петя, и под эти приветствия бабушка вышла из автобуса.

Держала бабушка в руках сумку. И эта сумка сразу привлекла общее внимание. Люкс неуклюже попрыгал вокруг бабушки, повилял хвостом и стал принюхиваться к сумке. Дед, приподняв очки на лоб, чтобы лучше было видно, смотрел то на бабушку, то на сумку. Андрей, подбежав к бабушке, сразу же спросил:

— Привезла?

— Еле-еле довезла, — ответила бабушка.

Галя ткнула пальцем в сумку, и оттуда раздался дикий вой. Люкс отскочил в сторону. Галя зажала ладошками уши. Петух Петя пустился наутек в родной курятник. Воробей забился в

самый угол скворечника и подумал: «Все... Пропала моя молодая жизнь!» А бабушка, направляясь к калитке, сказала:

— Вот так он половину дороги орал. Намаялась я с ним, с гостем-то...

Городская жизнь Егора и его путешествие

Жил до этого кот у бабушкиных городских внуков. Называли его хорошим солидным именем Егор.

Вставал Егор поздно, когда вся семья уже завтракала. Потягиваясь, шел он на кухню. А так как он был очень, даже чересчур вежливым и воспитанным, то на кухне не орал, не мяукал, а становился там на задние лапы у стола, а передней шлепал по клеенке. Хозяйева сразу начинали суетиться, открывали холодильник, доставали оттуда жареную рыбу, чуть-чуть подогревали, и уже подогретую, повыбрав косточки, давали коту. Егор неторопливо ел, слушал, как его похваляют, а потом, потянувшись, уходил на диван вздремнуть.

Кроме жареной рыбы да рыбной колбасы мог Егор изредка вылакать блюдечко топленого молока, а еще лучше — разведенного теплой водой сгущенного молока с сахаром. Но особенно он любил консервы «Лосось в собственном соку». Но так как эти консервы любил и бабушкин городской внук, то коту давали их не часто и совсем немного.

Всякую другую пищу Егор не признавал.

После завтрака младшие хозяйева убежали в школу, старшие уходили на работу, а Егор оставался сторожить дом. Но это так только считалось. На самом деле Егор укладывался спать. Но как только у дверей кто-нибудь начинал звякать ключами или стучался, Егор моментально соскакивал с дивана и бежал посмотреть — кто пришел.

В обед, перекусив вместе с хозяевами, Егор забирался на солнечный подоконник и начинал умываться или подолгу смотрел, что делается на улице. Весной и осенью, когда окно еще не открывалось, кто-нибудь подсаживал кота, и он устраивался в открытой форточке. Жильцы дома хорошо знали Егора. Старшие обязательно показывали на него ребятишкам, и те начинали кричать: «Кис, кис! Иди сюда!»

Егор все слышал, но молчал, поглядывая на двор с высоты. Недолго побродив по квартире, он опять ложился вздремнуть до возвращения старших хозяев с работы.

Сны Егору снились хорошие. Однажды, например, приснилось, что хозяйка открыла банку лосося и все отдала ему и только чуть-чуть — чайную ложечку, своему сыну. Чаще всего Егор видел сон, будто его гладит сам хозяин. Гладит и приговаривает: «Вы посмотрите, что за кот! Это же отличный кот!» А все остальные: и хозяйка, и хозяйкина дочка, и сын, который тоже

любил лосося в собственном соку, стоят вокруг и радостно мяукают. Может, Егор и спал так много потому, что ему снились такие отличные сны.

Конечно, гладили Егора не только во сне, и это ему очень нравилось. Правда, он разрешал себя погладить только в комнате хозяина, на коврик под стулом. Когда его гладили там, он от удовольствия кувырчался. Городские бабушкины внуки говорили, что Егор делает «кувырок».

Кроме «кувырка» умел Егор еще делать «кенгуру». Когда на улице слышался необычный шум, кот вскакивал на стул, становился на задние лапы и пытался рассмотреть, что же там за окном такое происходит. Дети кричали: «Смотрите! Смотрите! Егор делает «кенгуру»! Ведь правда, чуть-чуть похоже!!» И сразу начинали спорить, можно ли такому способному коту работать в цирке, и будет ли он там получать зарплату.

На улице Егор побывал всего один раз.

Однажды вечером он уселся у двери. Все решили, что кот захотел прогуляться. Немного поспорив, не заблудится ли он, Егора выпустили. Через полчаса в гулком коридоре многоэтажного дома раздалось громкое отчаянное мяуканье. Хозяева Егора всполошились, выбежали за дверь и увидели, что их кот перепутал этаж. Дрожащего кота подобрали вверху у чужих дверей и притащили домой. Голубой бантик на его шее сбился набок, на хвосте висела паутина...

Больше перепуганный гуляка на улицу не просился.

Запомнилось еще одно значительное событие из жизни Егора. Однажды мальчики со двора достали где-то белую мышку. Играли они с ней, может быть, день, может быть, два, а потом мышь им надоела. Тогда они принесли ее в подарок Егору. Один мальчишка даже сочинил по этому поводу такие стихи:

Егор поймал мыша,
Дрожите, мыши, ша!

Но со стихами мальчик поторопился. Ловить мышь Егор отказался. Несколько минут сидели друг против друга белая мышь и Егор. Потом мышке это надоело, она зашевелилась и побежала прямо на кота. Егор скакнул сначала вбок, потом прыгнул на диван. Хозяйкина девочка закричала мальчишкам: «Не пугайте нашего кота!» Те засунули мышку в карман и ушли.

Может, так и прожил бы кот Егор в городской квартире до старости, видя белый свет только

через окно и ни разу не поймав мышь, да тут вся семья решила уехать на лето к самому Тихому океану. Когда уже начали собираться, вдруг вспомнили — а как быть с Егором? С собой его не возьмешь. Оставлять одного нельзя.

Пробовали устроить у знакомых, но когда те узнавали, что коту надо подогреть рыбу, выбирать из нее кости и так далее, то вежливо отказывались. Одни говорили, что у них живут канарейки и даже вид большого черного кота может расшатать им нервы. А с расшатанными нервами канарейки плохо поют. Вторые, немного подумав, вдруг восклицали: «Ах, мы забыли вам сказать! Мы же решили завести большую собаку. Вот такую здоровенную!» — показывали они, встав на цыпочки и высоко подняв руки.

Ну разве можно было оставлять кота один на один со здоровенной собакой! Конечно, нет.

Тогда написали письмо бабушке.

Бабушка жила ни в городе, ни в деревне, а в рабочем поселке. Как и в городе, здесь был завод. Как в деревне — сады, огороды и отделение совхоза.

Бабушка сразу приехала. Она сказала, что Егору у нее будет хорошо. Воздух в поселке чистый — дыши на здоровье. Сад и огород есть — бегай сколько хочешь. А может, и мышей ловить научится!

В тот же день бабушка поехала обратно. Егора она посадила в сумку. На автобусной остановке бабушка сказала:

— Бантик нам ни к чему! Ты ведь кот, а не девочка, — и сняла с шеи у Егора голубой бантик.

Кот обиделся. У кошек, которых он видел из окна во дворе, ни у одной бантика не было, а у него был. От огорчения Егор хотел заорать, но тут подошел автобус. Бабушка подняла сумку над головой, чтобы пассажиры не помяли кота, и пробралась в автобус.

Уселась бабушка у окна, сумку поставила на колени.

Всякие толчки, покачивания, встряхивания, голоса людей перепугали Егора, и он притих. Но автобус тронулся, пассажиры расселись по местам, никто сумку больше не тряс и не толкал, и кот постепенно успокоился.

Пассажиры мирно беседовали:

— Сейчас к бабушке приедем, — говорила молодая мама своей маленькой дочке.

— Молочка напоимся, — отвечала девочка, и Егору тоже захотелось молочка.

Автобус все бежал, сначала по городу, потом мимо полей и лугов. Постепенно все это Егору надоело, а молочка захотелось еще сильнее. И он подал голос: сперва потихоньку мяукнул, а потом заорал во всю мочь.

Теперь испугалась бабушка. Вдруг ее вместе с котом попросят выйти из автобуса. Но парни с гитарой, что сидели неподалеку, решили, что кто-то включил транзисторный приемник, и начали притопывать и подвывать. Тот, что держал гитару, ударил по струнам. Пассажиры что-то возмущенно кричали, но разве за такой музыкой что-нибудь разберешь! Кот, услышав этот шум, перепугался и затих.

— Сила! — сказал парень с гитарой, дернув струну в последний раз.

— Вот выдали, а! — поддержал второй.

— Капитально! — заявил третий.

На следующей остановке парни сошли. Их место заняли пожилые женщины. Кот молчал, и бабушка успокоилась. «Как-нибудь доедем», — подумала она. До поселка оставалось километров пятнадцать. Но на тринадцатом километре Егор снова заорал. Люди послушали немного и стали возмущаться:

— Кто это приемник опять включил? — спросил чистенький седой старичок, похожий на пасечника.

Пассажиры начали переглядываться, а Егор все завывает.

— Выключите, пожалуйста, хватит! — закричала женщина с пустым бидоном.

А Егор орет.

— Безобразие, — заговорили пассажиры. — Людей не уважают...

— Подождите, подождите, — вдруг сказала пожилая женщина, что сидела рядом с бабушкой.

— Это не у тебя ли, бабка, транзистор в сумке?!

— Котик у меня, — призналась бабушка. — Из города везу, на каникулы. Отпуск у него...

— А ну-ка, покажи, — не поверила соседка.

Приоткрыла бабушка сумку, и все увидели черного кота. И Егор увидел людей и замолчал.

— Вы, бабушка, его не закрывайте, — посоветовал интеллигентный пассажир, похожий на пасечника, — может, он тогда не будет нарушать порядок.

Произошло это на десятом километре до бабушкиного поселка. До пятого километра Егор молчал, а потом опять замыкал, но уже не так противно и громко, как раньше. Теперь пассажиры относились к нему сочувственно.

— Ишь ты, и у котов нынче отпуск, — говорила женщина с бидоном.

— Пусть покричит, — разрешила бабушкина соседка. — Разве в городе по-настоящему покричишь.

Тут показался бабушкин поселок. Автобус проехал сельмаг, пропылил по переулку, и путешествие Егора закончилось.

Появление Марты

Бабушка с сумкой, дед с газетой, Галя и Андрей с надкушенными городскими пряниками в руках прошли в дом. Один Люкс остался во дворе. Из дома доносились веселые восклицания:

— Ух, какой весь-весь черный! — звенел Галин голосок.

— Держите! Держите! Под кровать побежал! — кричал Андрей.

— Ладно, Андрюша, не тяни его за хвост, — распоряжался дед. Услышав про хвост, Галя сразу запела:

Черный хвост и черный нос,
Вот так кот у нас вырос

— Как это «вырос»? — спросил дед. — Надо говорить «вырос».

— Если сказать «вырос», будет нескладно, — отозвалась Галя.

Про Галю говорили, что она собирает по всему поселку, и еще неизвестно где, песенки. И, наверно, это было правда, потому что на каждый день у нее была новая песня. Вот и сейчас она скакала и пела про черный нос и черный хвост Егора.

— Чем мы его кормить будем? Где на него рыбы напасешься? — сокрушалась бабушка.

— Я наловлю, — успокаивал Андрей. — У нас с Колькой Самойленковым вчера вот такой сом сорвался. Мы его, бабушка, завтра обязательно поймаем...

Люкс слушал и вилял хвостом.

Когда голоса в доме немного затихли, из курятника выбежал петух Петя.

— Ну, как там, старик, дела? — спросил он у Люкса.

— Молока ему налили, — сообщил Люкс. — Галя под кровать поставила. А ты где это был, Петя?

— Да так, прошелся немного, — сказал петух.

Не мог же он признаться, что перепугался и просидел в курятнике самый ответственный момент.

Солнце уже опускалось за соседкин огород. Из курятника вышла курица Пеструшка. Дело шло к ночи, надо было что-нибудь поклевать перед сном.

— Пеструшка! — заорал на нее Петя. — Марш сейчас же в курятник!

— Ко-ко-конечно! — испугалась Пеструшка и кинулась выполнять Петино приказание.

В доме все успокоилось, только слышно было, как бабушка позвякивает посудой.

— Ну, что там у вас, ребята? — чирикнул из скворечника воробей.

— Порядок! — отозвался петух.

— Жертв нет? — спросил воробей.

— Какие жертвы? Что ты! — успокоил Люкс.

— Ты бы, Люкс, сходил в дом, посмотрел, какой он!

— Да неудобно как-то без приглашения, — отказался Люкс.

— Сейчас я посмотрю, — предложил Петя и взбежал на поленницу. Хотя на улице еще было светло, но в доме, наверно из-за гостя, зажгли свет. Петя увидел, что бабушка на кухне жарит картошку, дед там же читает газету. Андрея, Галю и кота петух не увидел, и обо всем этом рассказал друзьям.

— Сходи, Люкс, ты же вхож в дом, — снова попросил воробей.

— Неудобно, — опять отказался Люкс.

— Может, ты, Петя? — упрасивал воробей. — Заскочишь, помотришь и назад.

— Бабка будет ругаться, — сказал петух. — А что сам-то не залетишь?

— Ну что ты! Я если залечу, то мне придется подраться с Андрюшкой. Он когда мастерил скворечник, то оставил большую щель. А знаешь, как в нее дует? Может, слетать, попросить корову, а?

— Корову нельзя, — вздохнул Люкс. — Во-первых, она чужая, а во-вторых, ну зайдет она, и что скажет? «Здравствуйте. Как поживаете?» Не полезет же она под кровать смотреть, что там поделывает гость.

Петух хихикнул. В это время воробей зачирикал:

— Смотрите, смотрите! В наш огород залезла чужая коза!

Люкс вскочил на крылечко, петух Петя повернулся в сторону огорода. Там действительно, как у себя дома, преспокойно расхаживала неизвестная коза и выщипывала с грядки самые крупные листики бабушкиного молодого салата.

Лет пять назад, в молодые годы, Люкс моментально перескочил бы через ограду и крепко потрепал эту нахальную козу. Но сейчас пес уже не мог прыгать через заборы, поэтому он грозно спросил:

— Эй, ты, коза, что ты там делаешь в нашем огороде?! Коза посмотрела на Люкса невинными глазами и спросила:

— Э-э, это вы ко мне обращаетесь?

— К тебе, а к кому же еще! — гавкнул Люкс.

— Видите ли, — склонила голову набок коза. — Зовут меня Марта. Вы тоже можете так меня называть. Я тут устроилась к вашей соседке работать молочницей. Я ведь даю в день целый стакан молока.

— А в нашем огороде ты что делаешь? — сердито крикнул петух.

— Ах, в огороде... Да тут у вас ветром, наверно, оторвало листик салата, а я хотела прилепить его обратно. Как вы думаете, он прирастет?

— Глупости какие! — рассердился петух. — Пойдем, Люкс, проучим эту нахалку!

— Ладно, Петя, не горячись, — сказал Люкс. — Я слышал, что соседка купила себе козу. Так, значит, это вы и есть?

— Как вам сказать... — задумалась коза, и отщипнула еще один листик салата. — Хозяйка тоже говорит, что купила меня, но я считаю, что просто устроилась к ней на работу. Это ведь кто как думает...

Проговорив это, коза опять нагнулась к сочному листику салата. Люкс предостерегающе зарычал, и коза сделала вид, что она нагнулась только за тем, чтобы понюхать коленку на левой передней ноге, и как ни в чем не бывало спросила:

— А что это у вас сегодня переполох такой?

Люкс был настроен миролюбиво и рассказал ей про приезд городского кота.

— Интересно, — сказала коза. — Но я лично не придавала бы этому такого значения. Приехал и приехал... А то слышу, все бегают, лают, кукарекают.

Марта промолчала, что из-за любопытства пришлось ей изрядно потрясти рогами, прежде чем она отвязалась. Хозяйка еще не знала норова своей козы и привязала ее к колышку в огороде кое-как. Не рассказала Марта и о том, что, увидев в соседнем огороде салат, она перемахнула через забор.

Ах, этот салат! Марта считала, что зеленый салат и молоденькие кочаны капусты люди выращивают специально для коз. Но потом, наверно, забывают об этом и едят и салат и капусту сами. И опять, словно в забывчивости, Марта отщипнула один за другим несколько листиков салата.

— Эй, эй, коза! Прекрати сейчас же! — рассердился петух.

— Вы бы лучше называли меня по имени, — заявила Марта, — а то «коза», «коза». Слово «Марта» приятнее для слуха, чем слово «коза». А потом ведь, мое имя — иностранное...

Сказав это, Марта уставилась на петуха, чтобы увидеть, какое впечатление произвели на него ее слова. Правда, Марта знала, что назвали ее так, потому что появилась она на свет в марте месяце, но надо же было чем-то блеснуть перед новыми знакомыми. Но иностранное имя Марты не удивило Петю, он вышагивал по поленнице и сердито поглядывал на козу. Тогда Марта спросила:

— А скажите, вот вас, например, как зовут?

— Вообще-то Петька, — ответил петух, — но друзья называют Петя.

— Вот видите, самое обычное имя. Я знала еще одного петуха, которого звали точно так же. А меня называли Мартой. Значит, ко мне нельзя обращаться на «ты» только потому, что я случайно отщипнула у вас листик салата.

Петя смутился, но виду не подал. А Люкс хотел было заметить, что и у него имя непростое. Что слово «люкс» означает — высший, наилучший и назвали его так не зря. Но в это время скрипнула дверь в доме у Марты, и вышла ее хозяйка. И сразу же залаяла Пустобрешка.

— Ну, я, пожалуй, пойду, — заявила Марта и, отщипнув на прощание еще один листик салата, перескочила в свой огород.

— Пойду и я, посмотрю, как там куры, да и на боковую пора. Вставать-то мне приходится раньше всех, — пожаловался петух. — Эти хозяева никак не заведут себе будильник. Все надеются, что Петя их разбудит. Вот и приходится соскакивать ни свет ни заря и кукарекать.

— Иди, иди, — зевнул Люкс. — Воробей вон давно уже спит. А мне всю ночь дом сторожить.

Петя убежал в курятник, а Люкс поплелся в свою конуру.

Скоро в доме погаснет свет. Потом приедет на мотоцикле с завода, с ночной смены, молодой хозяин, отец Андрея и Гали, и свет опять ненадолго загорится. Еще позже за поселком в болоте перед Луковой поляной перестанут квакать лягушки. Потом начнет светать, и заголосит Петя. А там захлопает бич пастуха, и пройдет на луга по соседней улице совхозное стадо. Чуть попозже Петровна поведет на пастбище знакомую корову.

Так и ночь пройдет. И все будут думать, что старый Люкс спал. А он хоть и подремлет немного, но так, в пол-уха, и ни одного звука, ни одного шороха не пропустит.

Петя собрался на юг

С утра на заборе, одна нога на улице, другая во дворе, сидел друг Андрея Колька Самойленков и ждал новостей. В избу Колька идти боялся. Два дня назад он лазил в бабушкин огород за мячом и потоптал там укроп. Бабка тогда погрозила ему веником. Поэтому и сидел Колька на заборе верхом. Если покажется бабушка, можно с забора, как с лихого коня, соскочить на улицу, если позовет Андрюша, можно спрыгнуть во двор.

Изредка на крылечко выскакивали то Андрей, то Галя и сообщали:

— Еще спит, но уже открывал один глаз!..

— Бабушка говорит, что вечером будем его стирать. То есть мыть! Колька ерзал на заборе и ждал дальнейших сообщений.

— Проснулся, проснулся! Потягивается! — выскочив из дверей, прокричала Галя и моментально исчезла.

— Колбасу не ест. Совали ему в рот, а он царапается! — докладывал Андрей.

Услышав про колбасу. Люкс выбрался из конуры и затрусил к крылечку. Если Егор отказался от колбасы, то, может быть, хозяйева догадаются отдать ее тому, кто ее любит. Люкс не ошибся. Из дома выбежал Андрей и бросил ему пластик колбасы. Пес поймал его на лету и завилял хвостом, показывая, что он не прочь съесть еще один кусочек.

Потом Колька со своего забора услышал, как бабушка говорит:

— Этак он у нас совсем отощает. Пошел бы ты, Андрюша, на речку да поймал ему рыбки.

Что будет дальше, Колька знал хорошо... Через некоторое время выйдет Андрюшка в рыбацких залатанных штанах и счастливой кепке. В этой кепке он поймал однажды сазана и теперь всегда надевает ее на рыбалку. Вот вчера Андрей не надел ее и, пожалуйста, у них сорвался с закидушки большущий сом! Так что сегодня Андрей обязательно наденет счастливую кепку. Им же надо перехитрить того самого вчерашнего сома.

В своей счастливой кепке и рыбацких штанах Андрюшка будет бегать по двору, разыскивая банку с червями. Каждый раз, вернувшись с рыбалки, он ее старательно прячет, чтобы червей не исклевали петух и его куры. А собираясь на рыбалку, Андрей подолгу ищет банку, потому что забывает, куда ее поставил. Потом он возьмет удочки и через улицу станет кричать: «Колька! Пошли рыба-ачить!»

Чтобы Андрейка особенно не надрывался и не называл его «копушей», Колька соскочил с забора и побежал домой за своими удочками и собственной банкой червей.

Когда Андрюша собрался, Люкс запрыгал вокруг него. Весь его вид говорил: ты посмотри, я не такой уж и старый, и составлю вам с Колькой хорошую компанию.

Но Андрейка прикрикнул:

— Люкс! Сиди дома! — и выбежал на улицу.

Пес проводил рыбака за калитку и уселся на траве. Он долго смотрел, как мальчишки шагают к переулку и рассуждают про хитрого сома, а на их плечах покачиваются удилица. В эту минуту Люкс вспоминал то счастливое время, когда без него не ходили ни на рыбалку, ни на охоту. Потом Люкс услышал, как во двор вышла бабка и сказала:

— Благодать-то какая, дёнек-то какой теплый!

Денек выдался действительно хороший. Спину Люкса пригревало солнце. Из летней кухни так приятно пахло вареным, пареным и жареным, что пес зажмурил глаза, чтобы ничто не мешало ему нюхать. И вообще, летом было лучше, чем зимой. Люкс немало прожил и догадывался, почему летом тепло, а зимой холодно. Причина, конечно, заключалась в том, что зимой светит всегда одно солнце и одному ему трудно согреть весь поселок, и речку, и луга.

Другое дело летом. Летом расцветают одуванчики, а это тоже маленькие солнца. Вон как они усыпали всю улицу. Когда одуванчики отцветут — распустятся подсолнухи. И будут они греть — солнце сверху, а подсолнухи — с огородов. Недаром их называют — «под-солнухи». А уж дальше, к осени, когда подсолнухи начнут созревать и семечки в некоторых из них поклюет воробей — жди зимы. Потому что солнце останется одно-одинешенько, а попробуй один, погрей!

Так рассуждал Люкс, старый охотничий пес.

Под теплым солнышком, под жужжание пчел Люкс даже немного вздремнул. Но бабка на летней кухне звякнула его миской, и Люкс встрепенулся. Этот звук Люкс знал отлично и побежал во двор.

А во дворе на поленнице стоял чем-то обиженный петух Петя и из-под крыла смотрел в далекие дали. За улицу, по которой ушли рыбаки, Андрей и Колька, за луга у речки. Внизу у поленницы обеспокоенно суетились куры Пеструшка, Хохлатка и Белушка и сокрушенно

кудахтали:

— Куд-куда ты, Петя, собрался?

— На ко-ко-ково ты нас покидаешь?

— Улечу! — отрезал Петя и снова стал смотреть на далекое голубое небо, на синюю полосу гор у самого края земли.

— Что ты там, Петя, высматриваешь? — поинтересовался Люкс.

— Кур он высматривает, кур... — загалдели Пеструшка, Хохлатка и Белушка.

— Жду куриного перелета, — сердито поправил Петя, и, не взглянув на Люкса, все смотрел и смотрел в дальнюю даль.

— Куриного перелета он ждет, — подал голос с крыши летней кухни воробей. — Но что-то я ни разу не видел куриного перелета. Утки весной летели, гусиный перелет был. Журавли летели, а вот куры — не помню.

— Зачем тебе, Петя, куриный перелет? — спросил удивленно Люкс.

— Улечу я от вас! — решительно заявил петух. — Вот дождусь куриного перелета и улечу с ними на юг.

— Обидели Петра, ах, как обидели! — пожаловалась Пеструшка.

На кур жалко было смотреть. Так уж им не хотелось, чтобы петух Петя улетел на какой-то юг.

— Кто тебя обидел?! — зарычал сердито Люкс, готовый сию же минуту наказать обидчика.

— Все, — сказал Петя.

— И коза, и бабка, и ты, Люкс, и мы... — кудахтали курицы.

Петух был сердит. Он ходил взад и вперед по поленнице, встряхивал красным гребешком, хлопал золотистыми крыльями, отбрасывал шпорами щепки и жаловался...

Оказалось, что коза Марта оскорбила его тем, что заявила, будто бы у него самое обычное имя. На бабку петух сердился за то, что она занялась городским котом и до сих пор не несет курицам корм. Пеструшка, Хохлатка и Белушка обидели его расспросами все о том же коте.

«Ко-ко-ко-какой он! Ко-ко-когда он покажется!» — передразнивал Петя куриц.

— А ты, Люкс, хоть и друг мне, а до сих пор не подойдешь, не спросишь: что с тобой, Петя?.. Нет, улечу я от вас, улечу!

— Да брось ты, Петя! — заявил воробей. — Я получше твоего летаю, и то на юг не собираюсь. Чего я там не видел?..

— Остайся, Петенька, остайся!

— Куд-куда ты, петушок? Куд-ку-да ты? — уговаривали курицы.

— Улечу! — твердо сказал Петя и опять стал высматривать из-под крыла куриные стаи на голубом летнем небе.

Люкс вспомнил, что когда он был молодым, совсем молодым, другие собаки рассказывали, будто бы один домашний гусь, с дальнего конца поселка, улетел-таки с дикими гусями. И псу стало жалко Петю, а вдруг и правда возьмет и улетит. Люкс тоже стал пугать петуха дальней дорогой, разными опасностями и попугаями.

— Есть на юге такая птица — попугай, — сказал Люкс. — Она там всех пугает. За это и зовут ее «попугаем».

— Она как тебя испугает, как испугает, — поддержали куры.

А воробей вспомнил, что когда он дрался со скворцами, отвоевывая скворечник, они кричали: «Ну, попадешься ты нам на юге! Мы тебе там покажем!»

— И тебе, Петя, они что-то такое покажут, что я просто не знаю, что будет...

Но и это грозное предупреждение не подействовало на петуха.

— Все равно улечу! — стоял он на своем.

Хорошо, что бабушка в это время вынесла Люксу его алюминиевую миску с едой, а Галя выскочила на крылечко и, припевая, стала сзывать кур:

— Эй, Хохлатка, эй, Пеструшка,
Принесла я корму вам!
Не придете — чушке-хрюшке
Все до зернышка отдам!

Курицы не хотели, чтобы их зерно съела чушка-хрюшка, и бросились к Гале. За ними соскочил с поленницы Петя. Воробей тоже пристроился в сторонке и принялся склевывать зернышки, которые отлетали к нему. А Люкс занялся своей миской.

Так все благополучно и закончилось.

А то бы улетел Петя в дальние страны, на юг, к неведомым птицам попугаям. И кто знает, что бы тогда было...

Первое знакомство

Заветного сома в тот день Андрюшка и Колька Самойленков не поймали. Им попалась всего одна, похожая на карасика, рыбка-синявка, да по глупости за крючок зацепился рак.

Улов несли домой в Андрюшкиной банке из-под червей, плеснув туда немного воды.

Раку в банке не нравилось. Он ползал там, пугал синявку и стучал клешнями по жестяным стенкам — искал дорогу в речку. Но вместо речки, он попал в дом к деду, бабке и коту Егору.

Кот на новом месте немного освоился и уже несколько раз выбирался из-под кровати. Озираясь, ходил он по комнатам, обнюхивал ножки у стульев, дедовы сапоги и Галину потерянную куклу Ньюю. Она лежала за ящиком с крючками и блеснами под кроватью, и про это никто, кроме Егора, не знал.

Бабушка старалась угодить коту. Она налила ему в блюдце ухи. Но кот понюхал блюдце и гордо удалился. Тогда бабушка принесла вареного мяса, но и от мяса Егор отказался. Зато запах мяса растревожил Люкса. Ведь бабушка несла мясо из летней кухни через двор, и запах его долго плавал в воздухе.

Когда Андрей и Колька притащили рака, бабушка, пригорюнившись, сидела на табуретке и раздумывала, чем бы еще попотчевать гостя. Увидев мальчишек, она обрадовалась:

— Вот молодцы, уже вернулись, — сказала бабушка. — Давайте скорее рыбу!

Андрей вынул из банки синявку и бросил ее на пол. Синявка затрепыхалась. Егор боком подобрался к ней, и как только рыбка затихла, тронул ее лапой. Синявка не шевелилась. Тогда Егор пригнулся, чтобы обнюхать ее. Тут неожиданно синявка забилась и шлепнула Егора хвостом по розовому кончику носа. Кот отпрыгнул от нее и налетел на банку, в которой бушевал рак.

Бабушка всплеснула руками. Андрей с Колькой засмеялись, Галя взвизгнула, а рак цапнул своей клешней Егора за хвост.

Егор подскочил и кинулся через открытую дверь в сени. Загремев там пустым ведром, он вылетел на крылечко и перескочил через Люкса. Люкс не успел ничего сообразить, как кот в два прыжка пересек маленький двор, распугал кур и оказался на поленнице.

Пеструшка, Хохлатка и Белушка разлетелись кто куда. Пеструшка сама не заметила, как очутилась на улице. Хохлатка заскочила на крылечко, увидела там Люкса и, не извинившись, шарахнулась обратно. А Белушка припустила в курятник.

Петух Петя, бродивший по огороду, вбежал во двор в самый разгар переполоха. Чтобы разобраться, что происходит, он заскочил на поленницу и своими рыжими перьями напугал Егора. Кот кубарем скатился с поленницы, прыгнул на лестницу у летней кухни, а по ней забрался на крышу. Он слышал, как во дворе кудахчут куры, кукарекает петух, лает пес и бабушка с крылечка кричит:

— Ловите его, ловите!

Не дожидаясь, когда его начнут ловить, Егор спрыгнул в огород и помчался по борозде между грядок.

На свою беду, в это самое время, в бабушкином огороде оказалась коза Марта. Ей опять удалось отвязаться от колышка, и она только что перескочила через забор, волоча за собой длинную веревку. Марте покоя не давал бабушкин салат. Она с самого утра, с того самого времени, когда хозяйка привязала ее к колышку, видела перед собой зеленые сочные листики салата и представляла, как будет их жевать, если отвяжется. Вместо того чтобы пастись на траве, возле которой привязала ее хозяйка, Марта дергала и дергала веревку.

За это время Андрей и Коля Самойленков успели сходить на речку, поймали там синявку и рака и принесли их домой. За это время знакомая корова сходилась на пастбище и уже вернулась к своей хозяйке Петровне, чтобы та могла надоить к обеду молока. За это же самое время петух Петя напугал весь двор, собравшись улететь на юг, а потом передумал.

Коза проголодалась, и когда веревка наконец отвязалась, она быстренько направилась в бабушкин огород. Марта уже подбегала к грядке с салатом, как из борозды прямо на нее выскочил черный взъерошенный зверь. С размаху прыгнув на Марту, он вцепился ей в спину. Марта жалобно мекнула и пустилась наутек.

Воробей, наблюдавший все это с трубы бабушкиного дома, радостно крикнул:

— Наша берет! — и полетел наблюдать сражение.

Но сражения не произошло. Марта перемахнула через забор. Веревка захлестнулась за доску и остановила козу. Кот свалился с нее и пустился уже по чужому огороду.

Андрей, Колька Самойленков и Галя бросились искать кота в огороде. Дед со свежей газетой в руке побежал в сад. Галя с бабушкой прикрывали тылы с улицы.

— Ах, убежит котик! Ох, что-то будет! — сокрушалась бабушка.

Петух Петя остался во дворе охранять куриц и дом. Но точное место, где находится Егор, знал один воробей. Он, как вертолет, порхал над Егором, не выпуская его из виду. А кот пересек огород хозяйки козы Марты и заскочил в огород Петровны, которая как раз в это время, ничего не подозревая, доила свою корову.

Собака Пустобрешка подняла страшный лай. Андрей, Колька и Галя весело перекликались между грядок. Коза Марта мекала и дрожала мелкой дрожью. А тут еще загудел гудок на заводе. Егор подумал, что весь этот шум поднялся только из-за него, и пулей взлетел на черемуху, под которой Петровна доила корову.

Там его и нашли Андрей и Колька. Галя до черемухи не добежала. Она побоялась лезть на забор, когда увидела козу Марту. Так они и переглядывались через щелку — с одной стороны девочка Галя, с другой — коза Марта. Обeim было очень интересно смотреть друг на друга.

С разрешения Петровны Колька посадил Андрюшу на черемуху до первой ветки, а там уж Андрей полез сам.

Напуганный кот не сопротивлялся, когда Андрей протянул к нему руки. В подоле собственной рубашки Андрейка спустил его на землю, а потом взял за шиворот и потащил домой.

Во дворе кота ожидала торжественная встреча. Люкс вилял хвостом. Бабушка отобрала Егора у Андрея и в фартуке внесла в дом.

Скоро во дворе все успокоилось. Куры перестали носиться и кудахтать. Петух Петя во время переполоха нашел банку с червями, которую Колька Самойленков поставил на чурбак, и перевернул ее. Сейчас он и куры доклевывали последних червей. Колька и Андрей, не замечая этого, сидели на крылечке и обсуждали случившееся. Воробей сразу улетел к сельмагу, чтобы сообщить там приятелям о своих подвигах. Да ему и было что рассказать, ведь он первый заметил кота в огороде, видел, как он вскочил на спину козе, как лихо перемахнул на ней через забор, а потом забрался на самую вершину черемухи.

— Там-то я его и засек! — рассказывал воробей. — Вижу, все беспокоятся — и бабка, и дед, и Люкс. Тогда я схватил кота за шиворот и притащил домой!

— Он такой маленький! — недоумевали другие воробьи.

— Нет, он здоровый, чуть поменьше Люкса, — уточнял воробей. — Но у меня неожиданно появилась орлиная сила. Я и сам себе удивлялся. Тащу и удивляюсь!

Вечером, когда Мартина хозяйка пошла за козой в огород, она долго недоумевала, почему Марта привязана не за кольцо, а к забору. А потом решила, что это она сама привязала тут козу. «Совсем память плохая стала, — горевала хозяйка, — а все заботы. И то надо сделать, и то... Вот и забыла!» Она похвалила Марту за то, что та не лазила в чужой огород, и повела домой доить.

Марта после всех приключений этого бурного дня решила никогда больше не лазить в чужие огороды.

А рак пропал, исчез. Банка валялась на полу. Лужицу воды Галя подтерла. А рака не нашли, хотя обшарили все уголки в доме...

Все это было тревожно, таинственно и непонятно.

Почему Пеструшка перестала нести золотые яички

Петух Петя расхаживал по двору гордый и счастливый. Как же, курица Пеструшка села высиживать цыплят!

Бабушка запретила Андрею и Гале совать нос в курятник. Она лично сама носила Пеструшке желтое отборное пшено и воду в блюдечке, на дне которого были нарисованы ягоды земляники.

Гале очень хотелось увидеть, как цыплята будут выклевываться из яичек, и она все-таки заглядывала иногда в курятник. В курятнике разливался полумрак, только через щелку в крыше проглядывал туда всего один луч солнца и желтой полоской ложился на солому. Пеструшка неподвижно сидела в фанерном ящике, и оттуда высывалась одна ее спина. Больше пока ничего не было видно. Но Галя все равно несколько раз в день подбегала к курятнику и смотрела на Пеструшку.

Петух Петя сразу начинал сердиться, хлопать крыльями, что-то бормотать, и Галя убегала. А потом и бабушка заметила, как внучка крадется к курятнику, и поругала ее:

— Не пугай курицу. А то она соскочит и перестанет греть яички. Вот цыплята и не выведутся!

После этого Галя решила вывести своих собственных цыплят. Она взяла в кладовке два яйца, положила их в Андрееву счастливую рыбацкую кепку, а кепку засунула за трубу в летней кухне. «Здесь тоже тепло, — решила Галя. — Может, даже потеплей, чем под курицей, и мои цыплята выведутся быстрее, чем у Пеструшки».

Теперь она уже не бегала к курятнику, а сидела в летней кухне, дожидаясь, когда оттуда уйдет бабушка, чтобы взглянуть на яички. «Вот все удивятся, — думала Галя, — когда я поведу своих цыплят на прогулку». И она представляла, как в теплое солнечное утро она наденет свое новое платье, которое ей сшила мама перед тем как уехала в отпуск. И выйдет в этом платье из кухни, а за ней два пушистых цыпленка. Что-то скажет бабушка! Что-то скажет дед! Как закукарекает от удивления петух Петя! А она, ни на кого не глядя, пройдет с цыплятами через двор и будет напевать:

Сшила мама дочке
Платьице с цветочками.
Мячики на платьице
Друг за другом катятся.
Мама платьице шила,
Мама говорила:
— Мячики пусть катятся,
Да не рвется платьице.
Пусть на радость дочке
Здесь цветут цветочки.
Чтоб росла счастливая,
Только не ленивая!

Так с песенкой она уведет цыплят на улицу, на зеленую травку. Но пока это была великая тайна, и жизнь шла своим чередом.

Кот Егор привыкал к новому житью-бытью, к деревенским запахам, шорохам и звукам. Вот зашелестело за окном — это пробежал по дедову саду пахучий ветерок с лугов. А если застучат копыта, загрохочут поленья, а потом кто-то мекнет, значит, коза Марта забралась на свою сараюшку, прыгнула оттуда на поленницу и рассыпала дрова.

Пытался Егор удивить новых хозяев своими талантами: кувыркался, становился на задние лапы, но ни его знаменитый «кувырок», ни «кенгуру» никого не удивляли. Андрюшка не ахал,

бабушка не всплескивала руками, дед не восклицал: «Вы посмотрите, что это за кот!» Наверно, здесь, у деда с бабкой, коты ценились только тогда, когда они ловили мышей...

Однажды, под вечер, когда Егор лежал на перилах крылечка, теперь он со всеми познакомился и освоился, в гости к Люксу и всей компании заглянула Марта. Люкс дремал на крыльце, а петух Петя важно ходил, охраняя курятник.

Марта забралась на доски в своем дворе и через забор, осмотрев всех, объявила:

— Слышали новость? А я вчера дала почти полтора стакана молока! И если бы эта Пустобрешка все время не лаяла и не раздражала меня, я бы могла дать и побольше.

Люкс и Егор приняли эту новость одобрительно, только Петя сразу обиделся. Как так — Пеструшка высиживает цыплят, и все, кто что-нибудь соображает, должны говорить только об этом важном событии. А коза хвастается своим молоком! Но упрекать Марту петух не стал, он решил посрамить ее другим:

— А вы знаете, наша Пеструшка несла раньше золотые яички, — заявил он.

— Хе-хе, — не поверила Марта. — Я работаю уже у второй хозяйки, много лазила по огородам, но ни разу не слышала, чтобы курицы несли золотые яйца.

— А вот и несла! — стоял на своем Петя. — Радио надо слушать. Про это недавно была интересная передача.

— Да ну?! — воскликнул с карниза воробей.

Он только что прилетел с охоты на мошек и сейчас на карнизе крыши чистил перед сном перышки.

— Передавали, — заявил Петя. — Сначала играла музыка, а потом стали рассказывать. Говорили, значит, так:

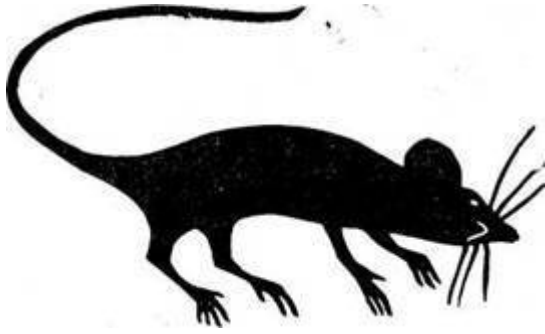
Жили-были старик со старушкой, и была у них курица Пеструшка...

— Смотри-ка ты! — удивился Люкс. — Это ведь радио про нашего деда и бабку говорило.

— И про Пеструшку, — подтвердил Петя. — Но вы меня не перебивайте. Значит, так... Была у них курица Пеструшка. Снесла курица яичко, да не простое, а золотое...

Дед бил-бил — не разбил. Бабка била-била — не разбила. Положили на полочку. А мышка бежала...

— Какая мышка? — подал голос Егор. — Все мне говорят про мышей. Поймай, Егор, мышь, поймай. А где эти мышьи? Что-то я нигде их не вижу. Может, мышей просто выдумали, и все...

— Бывают мыши, — остановил Егора Люкс. — Ты уж мне поверь. И к нам они иногда забегают. А ты, Петя, продолжай. Что там эта мышка натворила?

— А ничего, — сказал Петя. — Значит, бежала мышка, хвостиком махнула и свалилась!

— Кто свалился? — не поняла коза.

— Да мышка же! — рассердился Петя. — Мышка свалилась, а золотое яичко так и лежит на полочке. Дед, значит, плачет, бабка плачет, а Пеструшка кудахчет: «Не плачь, дед, не плачь, бабка, я вам снесу яичко не золотое, а простое!» Вот как дело-то было.

— А почему дед с бабушкой плакали? — не поняла коза. — Мышку им, что ли, жалко стало? Да оно и понятно, свалилась мышка с полки, ушиблась, наверно. Я раз тоже свалилась с сараюшки, до сих пор бока болят...

— Совсем не мышку, — сказал Петя. — Из-за яичка они плакали, что оно золотое. И никак не разбивалось. С тех пор Пеструшка несет яички не золотые, а простые. А сейчас вот цыплят высиживает. Ты, коза, чем глупые вопросы задавать, сказала бы своей Пустобрешке, чтобы она поменьше лаяла, не пугала Пеструшку.

— Я уже предупреждала, что меня лучше называть не «козой», а «Мартой», — обиделась коза. — Можно, конечно, иногда звать «козочкой», но Мартой все-таки культурнее. Что же касается Пустобрешки, то я ей говорила, да разве она послушает. Вот и сейчас лает.

В Мартином дворе с самого утра заливалась лаем Пустобрешка. Но к этому уже все стали привыкать. Брешет, и пусть себе брешет. Вот только разговаривать мешает.

— Здравствуй, Люкс! Привет всей компании! — послышалось из-за калитки. Все обернулись и увидели знакомую корову. Она возвращалась с зеленых лугов и заглянула на минутку к друзьям.

— Здравствуй, соседка! — за всех ответил Люкс. — Как там на лугах?

— Хорошо на лугах, и комары сегодня не очень надоедали. А я ведь, Люкс, к тебе по делу.

Сказав это, корова застенялась. Она на днях сделала открытие, но все не решалась сообщить о нем Люксу.

— По делу? Ну, что ж, говори.

— Да видишь ли, может, как-нибудь потом, без свидетелей...

— Чего там, говори, здесь все свои.

— Помнишь, Люкс, мы с тобой толковали, что люди произошли от обезьяны. Не все, конечно, а некоторые...

— Как же, помню, — отозвался Люкс.

— Так вот, — вздохнула корова. — Может, тебе будет неприятно, но ваш Андрей произошел от обезьяны.

— Андрюшка?! — Люкс даже приподнялся. — Наш Андрюшка?

— Да, Люкс, ваш Андрей. Я недавно сама видела, как он лазил по вашей черемухе. Добрался до самой вершины. Представляешь?!

Люкс взволнованно заходил по двору. Петух Петя опустил голову. Даже на минуту в соседнем дворе замолчала Пустрбрешка. И в этой тишине корова продолжала:

— Тогда на вашу черемуху забрался ваш городской гость, а за ним следом вскарабкался Андрей.

— Братцы! — радостно зачирикал воробей. Да ведь Андрюша лазил не просто так. Он спасал Егора!

— А ведь верно! — просиял Люкс.

Он приободрился и стал сразу выглядеть моложе. Обрадовался и петух Петя. Он вскочил на поленницу и закукарекал.

— Ой, как хорошо! — замычала корова. — А я-то думала, а я-то...

Тут петух Петя решил, что наступило самое время сказать корове о самом главном, и он сказал:

— А Пеструшка высиживает цыплят!

— Поздравляю тебя, Петя! — сказала корова. — Ты уж за ней присматривай, чтобы все было хорошо.

— А я и так! — выпятил грудь Петя. — Ты ж меня, соседка, знаешь!

— Кстати, а как дело с тем раком, который исчез? — поинтересовалась Марта.

— Не нашли, — отозвался Люкс.

— Нет его в доме, я все облазил, — подтвердил Егор.

Коза сорвала какой-то листочек, пожевала его, помолчала, а потом загадочно спросила:

— А не там ли он, где и мышка, которая с полки свалилась?

— То есть где? — насторожился Петя.

— В подполье, — сказала коза. — Об этом стоит подумать.

Все посмотрели на Егора. Лазить по подпольям полагалось ему. Осмотрю подполье, —

пообещал Егор, польщенный общим вниманием.

— А я пойду, загляну к Пеструшке, — сказал Петя. — А вдруг рак забрался в курятник? — И Петя убежал.

— Пойду и я, займусь по хозяйству, — заявила Марта и заторопилась за угол дома, куда ее хозяйка только что пронесла полный фартук лебеды.

Лебеда, конечно, не салат, но тоже довольно вкусная еда для тех, кто в этом разбирается.

Ушла и знакомая корова. А во дворе поговорили сначала про рака, а потом про то, что Марте хорошо: она на должности — работает у соседки молочницей. Целых полтора стакана молока дает. За одни красивые рога работать молочницей никого не возьмут.

Козел Козел и щенок Черныш

До сих пор совхозное стадо ходило на луга по соседней улице. На этот раз пастухи решили перегнать коров на новое пастбище, и вот рано утром мимо дома деда и бабки потянулись совхозные коровы.

Собака Пустобрешка охрипла от лая. Стадо было большое, и она торопилась облять каждую корову. Но коровы шли спокойно, и ни одна из них даже не взглянула в сторону Пустобрешки. Это ее очень обижало, и она лаяла из последних сил. Наконец из переулка показались последние коровы, и Пустобрешка сама себе сказала: «Умру, но долаю!» Она принялась лаять с новой силой, и все-таки долаять ей не удалось. Голос ее сорвался, а из горла вместо грозного «гав-гав» послышалось тихое «хы-хы». Потом вообще Пустобрешка не смогла издать ни звука. Она потеряла голос.

А в конце стада важно шагал бродяга козел. Наверно, он был ничей. Потому что ни один житель поселка не признавался, что козел принадлежит ему. Никто также не видел, чтобы кто-нибудь загонял этого козла к себе во двор. А что его гнали из дворов и огородов — видели многие. Не числился он и в списках совхозного стада. В совхозе вообще не было козлов. Но наш козел не раз бродил по двору совхозной фермы, где жил крупный рогатый скот. Правда, туда он попадал не через ворота, как другие животные, а перепрыгивал через забор.

По утрам, когда совхозное стадо шло на пастбище, козел, если не просыпал, обязательно пристраивался к нему. Он гордо шагал вслед за коровами, и весь его вид говорил — посмотрите, я вам не так себе, а совхозный козел. И, может быть, я тоже отношусь к крупному

рогатому скоту.

Проводив стадо за околицу, козел отставал и начинал искать, где забор пониже, чтобы перескочить в чужой огород.

Посмотреть на совхозное стадо собрались почти все приятели Люкса. Раньше они только слышали, как за садами и огородами, на другой улице мычат по утрам коровы, а сейчас эти коровы шли здесь. Люкс вышел за калитку. Там как раз стояла знакомая корова. Петя заскочил на поленницу, коза Марта забралась на бочку у забора, Егор запрыгнул на перила крылечка. Им перед солидными совхозными коровами было неудобно за лай Пустобрешки. Но что они могли поделать!

Тут Пустобрешка потеряла голос и, замыкая стадо, мимо двора прошествовал козел. Взглянув на собравшихся у калитки, он потряс рогами и крикнул:

— Э-ге-гей! Привет, единоличники! — и, тряхнув бородкой, добавил: — Хе-хе!

Никто из друзей не нашелся что ответить. Да и что скажешь, приходилось терпеть. Только Марта, вздохнув, сказала:

— Надоели мне разные упреки. Уволюсь я, пожалуй, у хозяйки и уйду в совхоз.

— Ну что ты, Марта, — заметил Люкс. — Ты и так на хорошей работе.

— Конечно, — согласилась Марта, — работа не пыльная. Но все-таки я расспрошу при случае козла, какие у них в совхозе условия.

Знакомой корове тоже вдруг захотелось шагать утром с большим дружным стадом, не оглядываясь на лающих собак и, может быть, стать королевой-рекордсменкой. Она вздохнула и, задумавшись, побрела к переулку.

В конце переулка на нее чуть не свалился тот самый козел. Под самым носом у коровы он перескочил через плетень и, не взглянув на нее, припустил со всех ног по дороге. Вслед ему летели комья земли и рассерженные крики.

Козел уже успел нашкодить. В чужом огороде он ощипал молоденькую капусту, за что и был изгнан хозяевами.

Из переулка козел побрел по улице. И пока он опять дошел до дома деда и бабушки, успел просунуть голову в чей-то палисадник и погрызть там цветы. У колодца, где беседовали Петровна и хозяйка козы Марты, он напился из ведра Петровны, а в ведро Мартиной хозяйки посмотрелся как в зеркало. Собственное изображение козлу понравилось, и он побрел дальше.

Люкс, кот Егор, Петя с Хохлаткой и Белушкой, и воробей в это время завтракали. Люкс грыз кость и жаловался остальным:

— Дед с бабкой думают, что я люблю кости, на самом деле я люблю, как и они, мясо.

Егор лакал молоко и думал: «Эх, сейчас бы баночку лосося в собственном соку!»

Козе Марте досталась охапка травы, и Марта с удовольствием завтракала.

Козел увидел все это, горестно мекнул и сказал:

— Ну и живете вы здесь, как пузыри!

— А что, — отозвалась из-за забора Марта, — так и живем. А вас, кстати, как зовут!

Марта любила узнавать чужие имена и сравнивать их со своим.

— Меня? — козел подумал немного и сказал: — А так и зовут — Козел!

— Как «Козел»? — не поняла Марта. — Мы видим, что вы козел. Но у вас должно быть имя...

Всех заинтересовал этот разговор. Люкс отложил кость, Егор поднял голову над блюдцем с молоком. Петух Петя тоже прислушался.

— Козлом зовут, — ответил козел. — Козел, и все.

— Не может быть, — не поверила Марта.

— А вот и может. Залезу я, например, в чужой огород, а хозяйка кричит: «Ах ты, такой-сякой, Козел!» То есть, нет, я заговорился... А хозяйка кричит: «А, Козел пожаловал! Заходи, Козел, потопчи мои грядки!» Вот так... — и он нахально устался на Марту.

— Удивительно, — сказала Марта. — Вот меня, например, зовут Марта. Это очень хорошее заграничное имя. Нашего петуха зовут Петя. А это Люкс, а это Егор.

— А я Козел, — гордо ответил козел. — Привет! У меня дела, — и козел Козел зашагал по улице.

Новый знакомый чем-то понравился Люксу, и он крикнул вслед:

— Эй, Козел, ты заходи как-нибудь, полаем!

— А я не лаю, я мекаю!

— Почему же ты мекаешь?

— А если бы тебя не пускали в огород, ты бы разве не мекал?! — пожаловался издали Козел.

— Грубоват, — осудила нового знакомого Марта.

— По-моему, свой парень, — чирикнул воробей.

— Не знаю, будущее покажет, — сомневалась Марта.

Во время этого разговора раздался треск мотоцикла, и во двор въехал молодой хозяин. Люкс, виляя хвостом, подбежал к нему, чтобы поздороваться.

— Ну, Люкс, — сказал хозяин, — принес я тебе ученика. Смотри за ним, воспитывай, — и хозяин вынул из коляски мотоцикла маленького черного щенка.

Щенок оказался добродушным и мохнатым. Он вилял хвостиком, тыкался мордой в ладони хозяина и весело поскуливал.

На крылечко вышел дед, из окошка высунулась Галя, откуда-то с улицы прискакал Андрюшка.

— Папка, что привез? — крикнул Андрей.

— Да вот охотничью собаку...

— Да разве это собака, — засмеялся Андрюша. — Он же ростом с рукавичку!

— Рукавичка! Рукавичка! — закричала Галя. — Я буду звать его Рукавичкой!

— Рукавичкой не годится, — не согласился Андрей. — Это же охотничья собака. Давайте лучше называть его Черныш.

Так и назвали щенка Черныш.

Всем это имя понравилось. Одна Марта подумала: «Какой ужасный вкус у этих соседей. Столько на свете прекрасных иностранных имен. Можно было назвать Рексом, Султаном, Джеком, а они назвали Черныш! Хотели даже Рукавичкой! Просто смешно!..»

Люкс сначала обрадовался щенку, а потом загрустил. Он вспомнил, как ходил на охоту с хозяином, теперь же подрастет этот щенок, и хозяин будет брать его. Раньше главным сторожем дома был он — Люкс, а через некоторое время станет этот неуклюжий смешной песик. Значит, пришла старость, и больше Люкс никому не нужен. Что ж, может, они и правы, я даже не мог найти сбежавшего рака...

Люкс забрал недогрызенную кость и ушел в свою конуру. Там он лег на сухую подстилку и тихо

заплакал.

А по двору, задрав хвостик, носился щенок. Лаять он еще не умел и только радостно повизгивал. Ему хотелось с кем-нибудь поиграть, и он наскакивал на Хохлатку и Белушку. Те, кудахча, отбегали в сторону, а потом опять возвращались к зерну. Тогда Черныш заметил Егора и полез к нему по ступенькам крылечка. Ступеньки были высокие, но Черныш упорно карабкался и карабкался вверх.

Когда ему до крылечка осталось преодолеть всего одну ступеньку, Егор соскочил с перил и ушел в дом. Щенок заскулил и кубарем скатился обратно. Он посидел немного, зализывая ушибленные бока и, повизгивая, направился к Люксу.

По морде Люкса все еще катились тихие слезы. Но он одним глазом все время наблюдал за щенком. Вот Черныш приковылял к нему и лизнул в самый кончик носа, а потом забрался в конуру и улегся рядом. Старому псу стало приятно. Теплый щенок жался к его боку, копошился и наконец затих.

Но долго лежать на одном месте щенок не мог. Скоро он забрался на спину Люкса, скатился по голове и вывалился из конуры. Оттуда он стал налетать на Люкса. Ему, малышу, хотелось играть. И к удивлению всего двора, старый пес выбрался из конуры, и скоро они — старый и молодой — уже катались по земле и носились друг за другом.

Все это видел молодой хозяин, и он сказал:

— Молодец, Люкс. Обучай Черныша всяким собачьим премудростям. Ты ведь у меня все понимаешь.

Подвиг кота Егора

Никогда Егор не представлял, что мир такой огромный. Оказывается, кроме городского дома и коридора с лестницей, кроме дедовой избы и двора с летней кухней и курятником есть еще огород, сад и таинственная улица. Выходить на улицу пока еще кот не отваживался. Там тарахтят мотоциклы, ходят коровы, бегают свирепые собаки. А в огороде всегда тихо, только жужжат пчелы. В огороде можно погоняться за бабочками. Мотоциклы и чужие собаки сюда не залезают. Может быть, в огороде и живут мыши, про которых Егор знал лишь одно, что он обязательно должен поймать хотя бы одну из них. Это его долг. А если он не поймает ни одной мыши, — значит, жизнь прожита зря.

И Егор каждый день отправлялся в огород. Он бесшумно крался между грядок. Принюхивался к острому запаху укропа, нюхал желтенькие цветы огурцов и все гадал, а как же пахнут мыши? Может, как цветущие огурцы, а может быть, как одуванчики?

Однажды в конце огорода, где после дождя долго не просыхала лужа, Егор услышал, как в траве что-то зашелестело. Кот бесшумно распластался на земле и замер. Сначала все было тихо, только над лужей пицал комар. Потом трава зашевелилась. «Мышь!» — решил отважный охотник и приготовился к прыжку.

Шлеп, шлеп, — послышалось из травы. Егор подполз поближе и увидел, что на него смотрят два выпученных глаза. Если бы не эти глаза, кот, наверно, не заметил бы странное существо, потому что оно было зеленое, как трава, как листья.

Егор даже растерялся. Он никогда не думал, что мыши такие зеленые. А лупоглазое существо неуклюже повернулось и запрыгало к луже: шлеп, шлеп, шлеп...

Кот одним прыжком догнал прыгуна и задержал его лапой. Он знал, что должен вцепиться в мышью когтями, но эту мышью ему хватать почему-то не хотелось, она была холодная и скользкая. Егор поднял лапу, и пучеглаз бултыхнулся в воду. По луже пошли круги. Егор подошел поближе и заглянул в лужу. Зеленая мышью, отталкиваясь задними лапами, ушла на дно.

Кот посидел, ожидая, когда она всплывет и выпрыгнет на берег, но прыгун не вылезал. И кот, не дождавшись, побежал домой.

— Где был? — спросил его петух.

— Охотился, — ответил Егор как можно равнодушнее. — Поймал мышью, а она прыгнула в воду.
— И Егор даже зевнул, чтобы показать, какое обычное для него дело — ловля мышей.

— Мышь! — удивился петух. — Странно...

— Что тут странного? Прыгнула и поплыла.

— Люкс, ты слышишь! — крикнул Петя. — Егор говорит, что мышью прыгнула в воду и поплыла...

Люкс лежал на спине и отбивался лапами от разыгравшегося щенка. С Чернышом теперь они жили душа в душу и возились по целым дням.

— А какая она была? — спросил Люкс, вскочив на лапы.

— Обыкновенная мышью, — ответил Егор. — Пучеглазая, зеленая. Какая же еще...

— Че-пу-ха! — решительно заявил петух. — Зеленые мышью не бывают.

— А вот ты поймай сам, а потом говори, — обиделся Егор.

— Зеленая, говоришь, — раздумывал Люкс. — А она прыгала?

— Еще как прыгала!

— Так это, Егор, была лягушка.

Егор расстроился. Охотился, охотился и оказывается не за мышкой, а за лягушкой. Он отвернулся от друзей и, чтобы скрыть смущение, стал умываться.

— Ты не огорчайся, — сказал Люкс. — Нет такого кота, который бы не поймал свою мышь. И ты поймаешь.

Люксу что! Если он даже никогда не поймает мышь, ему никто ничего не скажет. Он собака, а не кот. А Егору надо поймать мышь, надо обязательно. И кот стал выслеживать мышь по ночам.

Подолгу сидел он возле подполья, куда дед и бабка ссыпали на зиму картофель, и где, по слухам, скрывался сбежавший рак. Однажды вечером, когда бабушка лазила в подполье за банкой с молоком, Егор тоже пробрался туда. Пока бабушка, зажигая спички, искала банку, кот обследовал подземелье. Ни мышки, ни рака он там не обнаружил. Бабушка вылезла из подполья и закрыла крышку, она забыла, что вместе с ней спускался кот. В доме сели ужинать, потом легли спать. А уж ночью и деда, и бабуку, и Андрея с Галей, и их отца разбудило жалобное мяуканье Егора.

Андрею как раз снился сон, что он рыбачит. Вот качнулся и запрыгал поплавок! Вот закадычный друг Колька крикнул: «Андрей, тяни!» Андрей рва нул удочку и вместо рыбы вытянул из воды мяукающего кота. Андрюша аж сел на постели от такого приключения. Со сна не сразу сообразили, где мяучит Егор. Наконец бабушка догадалась, что кот сидит в подполье, и дед открыл крышку.

После этого случая Егор предпочитал сидеть рядом с подпольем, а не залезать туда. Когда надоедало караулить подполье, Егор бродил по крыше. Заглядывал он даже в печную трубу, но и там мышь не показывалась.

«Может, и правда, их кто-нибудь придумал, этих мышей», — размышлял Егор, но каждую ночь он все-таки ходил вокруг дома.

И вот однажды, когда большущая луна висела над вершинами березовой рощи, подступавшей к самому бабушкиному огороду, Егор услышал подозрительный шорох. Кто-то по картофельной грядке крался к курятнику. Он не шлепал как лягушка: шлеп-шлеп. Он то бесшумно скользил мимо картофельной ботвы, то затаивался. И только несколько стеблей, которые он задел, чуть дрогнув, насторожили Егора. Вот качнулась трава в борозде рядом с котом, и зверек опять затаился. Незнакомый запах, тревожащий и неприятный, донесся до Егора.

«Ну, уж этомышь!» — решил кот. Раздумывать и выжидать было некогда, и Егор бросился на пришельца.

Сквозь траву, которая придавила зверька, Егор почувствовал пушистую гибкую спину. Зверек стремительно крутнулся, злобно застрекотал и, вывернувшись из-под Егора, метнулся в картофельную ботву.

Кот пустился его преследовать. Но где там! Зверек исчез, и только неприятный запах заставлял Егора приседать, а шерсть сама собой поднялась на его спине.

У калитки в огород сердито и грозно, как никогда, залаял Люкс. Ему вторила Пустобрешка. Забеспокоились, закудахтали куры. А кот тайком, чтобы его никто не заметил, бежал от позора в сад. Теперь-то он был уверен, что напал на самую настоящуюмышь. И вот она ушла. И если об этом кто-нибудь узнает, стыдно будет показаться во дворе, хоть беги пешком в город.

Весь следующий день Егор проспал на чердаке, а ночью опять вышел на промысел. Он крался по борозде, затаивался на крыше курятника, номышь не появлялась.

Коту казалось, что все уже знают про его неудачу. Он подозрительно поглядывал на бабу, когда она утром дала ему кусочек колбасы. Ведь бабка знала, что Егор не любит колбасу. Об этом говорили ей в городе, когда отправляли Егора на каникулы. Значит, бабушка уже не считает Егора настоящим котом и кормит чем попало. От огорчения Егор не заметил сам, как съел весь кусок колбасы. А бабушка, вытирая руки о фартук, закричала в окошко деду:

— Дед, ты посмотри-ка! Кот-то наш колбасу съел! Дедушка работал в саду и оттуда ответил:

— А что я тебе говорил!

А говорил дед, когда бабушка сокрушалась, что кот ничего не ест: «Ты подожди. Он это в городе избаловался, а у нас все есть будет. У нас от одного воздуха аппетит появится».

Полакав воды, Егор опять забрался на чердак и проспал до вечера.

— Что-то вашего кота не видно? — спросила днем коза Марта у петуха.

— Занят, — отрезал Петя.

Петух Петя был озабочен. Через несколько дней начнут выклеиваться цыплята, а что ему при этом полагается делать, Петя не знал. Расспрашивать у кого-нибудь было неудобно, еще скажут: что же ты за петух, если не знаешь... А потом Петю беспокоил рак. Куда он мог исчезнуть! Вылезет еще и напугает Пеструшку! Поэтому Петя и не стал разговаривать с козой.

Ночью Егор снова вышел в огород. До восхода луны лаяла Пустобрешка, потом все стихло. Егор запрыгнул на крышу курятника и затаился. И вот опять шевельнулись стебли картофеля, чуть слышный шорох донесся из борозды. Егор замер, изготовившись к прыжку. Черный вытянутый хвост его вздрагивал, лапы напряжились.

Шорох все ближе. Егор уже почувствовал знакомый тревожный запах своего врага. Этот запах дразнил, сердил и пугал. Кот весь напрягся, и когда у самого курятника метнулась чужая тень, он прыгнул и вцепился в загривок врагу.

Закудахтали, переполошились куры, злобно залаял Люкс и кинулся к калитке. Он царапал лапами доски, стараясь выскочить в огород, а калитка не открывалась.

Зверек метался под Егором, выворачивался, бил его лапами. У морды Егора мелькали белые острые зубы. «Не так-то легко поймать мышь!» — думал кот.

Тут Люкс, вскочив на поленницу, перепрыгнул в огород. Он увидел, как клубком вертятся кот и зверек, и с рычанием бросился на помощь Егору.

В доме вспыхнул свет. На улицу выбежали дед и молодой хозяин. Когда они вышли в огород, со

зверьком было покончено. Люкс сидел, облизываясь, а Егор все еще тряс врага. «Ну, — подумал он, — сейчас хозяева скажут: наконец-то Егор поймал мышь!»

Молодой хозяин зажег спичку и ахнул:

— Смотри-ка ты, — воскликнул он. — Хорек!

— Да, хорь-хорище, — сказал дед. — Совсем молодой, а уже пробирался в наш курятник!

— Ай да Люкс! Ай да Егор! Молодцы! — похвалил молодой хозяин.

Довольный Люкс вилял хвостом и тыкался мордой в колени хозяину. Молодой хозяин поглаживал Люкса. Один Егор не радовался. «Опять не то, — думал он. — Когда же я поймаю настоящую мышь!»

Счастливым днем

Что было на следующий день, что было!

Ночной разбойник хорек лежал на поленнице, чтобы все видели и все знали, какой подвиг совершил Егор.

Бабушка ахала и охала. То и дело она гладила Егора, ведь хорек мог задавить Пеструшку, а может, и других кур вместе с петухом Петей. Чуть свет бабушка разбудила Андрея и стала отправлять его на рыбалку. Андрей со сна тер глаза и ворчал, у него, мол, пропала счастливая рыбацкая кепка, а без нее на улов нечего надеяться.

— Найдется твоя кепка. Никуда не денется, — говорила Галя.

— А ты откуда знаешь? — налетал на нее Андрей, но на рыбалку все-таки пошел.

Дед сидел на завалинке, листал свежие газеты и рассуждал, что про такого кота надо писать в газете, в отделе происшествий. А потом сказал:

— Ты бы, Галя, привязала ему бантик, что ли. Все-таки отличился наш кот.

Галя обрадовалась и побежала искать ленточку.

Воробей из своего скворечника слышал, как дед что-то говорил про газету. Но что говорил дед, он толком не разобрал и полетел скорей к сельмагу, где у воробьев было что-то вроде клуба. Во всяком случае там они всегда собирались. Ворвавшись в стаю других воробьев, он крикнул:

— Братцы, а вы читали сегодня газету?

Никто из воробьев читать не умел. Но они не стали признаваться в своей неграмотности, а, наоборот, начали ругать газету:

— Ничего в ней интересного нет. Даже поклевать нечего, — сказал один.

— Про воробьев пишут редко, — добавил другой.

— Портретов воробьев почти не печатают, — вздохнул третий.

— Что правда, то правда, — зачирикали остальные.

— Но зато там напечатали про кота Егора! — ошарашил всех наш воробей. — Летим к витрине, почитаем.

Воробьи уже слышали про городского кота, поэтому все вспорхнули и перелетели к витрине с газетой.

— Давай читай, — сказал самый старый, — а то я свои очки в гнезде оставил.

Наш воробей тоже читать не умел, ко отступать было некуда, и он сказал:

— Очень уж мелко тут написано. В нашей газете, которую дед получает, буквы покрупнее. Но ничего, я расскажу вам своими словами.

И началась необычная история. Воробей скакал, взлетал, кувыркался, показывая, как схватились в ужасном бою дикий зверь хорек и кот Егор. Воробьи-слушатели не могли усидеть на месте. Один раз, когда рассказчик сказал, что земля тряслась, а его скворечник раскачивался из стороны в сторону, как во время бури, они в страхе вспорхнули и чуть не разлетелись кто куда.

На воробья, пережившего все это, они смотрели с восторгом.

— Да, брат, — вконец растрогавшись, сказал старый воробей. — Не перевелись еще среди нас храбрецы. Эх, был бы я помоложе...

А во дворе петух Петя то взбегал на поленницу, где лежал поверженный враг, то носился по двору.

— Ну, Егор, — говорил он коту, — я тебе... Я тебе знаешь сделаю что! Хочешь, я тебе вырою красного дождевого червяка! А? Да ты говори, не стесняйся... Хочешь?

А Егор, прямо скажем, зазнался. Галя повязала ему на шею голубой бантик. Кот развалился на поленнице, неподалеку от хорька и жмурился от удовольствия.

Несмышлениш-щенок Черныш вертелся вокруг Люкса и, повизгивая, допытывался:

— Дед, а дед, а когда я вырасту, я тоже поймаю хоря-хорищу?

— Поймаешь, — отмахивался от него Люкс.

— Дедушка Люкс, а ты сам, без Егора, ловил хорьков?

— Ловил, сынок, ловил...

— Расскажи, а? Расскажи! — надоедал щенок.

— Это было очень давно, — отказывался Люкс. — Теперь я уж и забывать стал, как все случилось.

— Ме-ме-между прочим, — сказала из своего двора Марта, — я слышала ночью шум и могла бы прийти на помощь. Но хозяйка, вместо того чтобы открыть на ночь дверь моей дачи (так Марта называла свою сараюшку), закрыла ее на крючок. Может быть, вы слышали, как я кричала: «Подождите, я сейчас приду и поддену его на рога!»

Крика Марты никто ночью не слышал, но сегодня все были добрые и вежливо промолчали.

Бабушка ради такого события разрешила Гале отнести воды Пеструшке и подсыпать ей зерна. Галя, довольная, стояла у курятника и напевала:

Хорь-хорище,
Злой мужичище —

Попался в когтищи
Нашему котище!

И если бы кто-нибудь спросил у Гали, где она слышала эту песню, она бы, как всегда, не знала что ответить. Наверно, и эту песенку она подобрала где-то на улице, а может быть, в саду или в огороде. Песенки, они всегда рассыпаны по всей земле. И чтобы их найти, ничего особенного не требуется. Надо быть только веселым, и все.

Петух Петя, наговорившись с Егором, не спускал глаз с Хохлатки и Бе-пушки. И только какая-нибудь из них забежала за дом или просовывала голову через доски в огород, Петя кричал:

— Куд-куда? А ну-ка, назад! Назад, кому сказано!

— Ты, Петро, не волнуйся, — успокаивал Люкс. — Больше хорек не придет.

— А ко-ко-кто его знает! И рака еще не разыскали! — хорохорился Петя и кричал на куриц: — Разболтались. Никакой дисциплины! Я тут наведу порядок! Кота бы постеснялись!

Слава Егора гремела по всей улице. Прохожие останавливались у калитки и спрашивали:

— Это тот самый кот? Удивительно.

— Обратите внимание, он с бантиком. Ну тогда все понятно, — говорили другие.

А Петровна, хозяйка знакомой коровы, принесла в подарок Егору банку молока и сказала бабушке:

— Ты, соседка, дала бы мне кота на ночь. Что-то у меня в погребе мыши скребутся.

— Вот попривыкнет, тогда уж, — обещала бабушка.

Егор слышал все это и чуть не таял от удовольствия. И вдруг он увидел, а может, просто почувствовал, как за поленницей что-то мелькнуло. В ту же секунду, совершенно не раздумывая, зачем он это делает, Егор бросился вниз. Лапы его сами схватили серенькую мышь. И хотя никто не успел ничего произнести, Егор знал — наконец-то он поймал настоящую мышь!

Да, это была не лягушка, не злой грабитель-хорек, а просто мышка. Но обрадовался ей Егор так, как не радовался, когда одолел хорька. Теперь он наконец-то мог считать себя настоящим котом. Потому что каждому свое. Одному — клевать зерна, другому — получать в школе четверки и пятерки, а третьему — ловить мышей.

Как искали Галю

День был жаркий, даже очень жаркий. От жары каждый спасался как мог.

Дед сидел в саду и читал. Хохлатка и Белушка забрались в тень у летней кухни и дремали, засунув головы под крылья. Рядом с ними выбил в пыли лунку петух Петя и сидел там нахохлившись. Изредка он скреб лапами пыль, взбивал ее крыльями, обсыпая свои рыжие перья. Ведь только так петухи и курицы купаются. Пеструшка сидела в курятнике. Раскрыв клюв, она часто дышала и ждала, когда начнут проклевываться цыплята. Андрей с Колькой Самойленковым убежали на речку купаться. Галя с девочками ушла рвать дикий лук на Луковую поляну. Несмотря на жару, она носилась там по зеленому раздолью с маленьким пучочком

лука в руке, весело подпрыгивала и звонко распевала:

Лук пророс щетинкой,
И сейчас похоже,
Будто это спинку
Ощетинил ежик!

Егор от жары забрался в лопухи за домом и дремал там в зеленой тени.

Не бегалось сегодня и маленькому щенку Чернышу. Он спал в конуре, смешно высунув розовый кончик языка. А Люкс, положив морду на лапы, лежал под крылечком и слушал, как в березовой роще кукует кукушка. Он ее часто слышал, когда ходил на охоту.

— Ку-ку! Ку-ку! — куковала кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько мне лет? — спрашивал Люкс и прислушивался к голосу пернатой вещуньи.

Он ведь не знал, сколько ему лет, а узнать хотелось. Может быть, тогда хозяева устроили бы ему день рождения и подарили какой-нибудь подарок. Подарили же Гале куклу Ньюю. Правда, кукла Люксу не нужна, а вот новый ошейник не помешал бы.

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! — куковала кукушка.

А Люкс считать не умел и поэтому горевал: «Ох, много, очень много мне лет!»

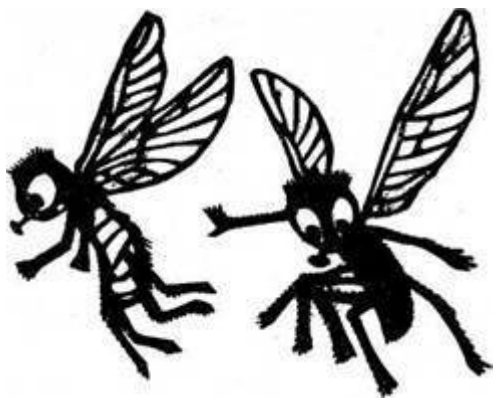
Возле его носа вились надоедливые мухи. И жара их не брала! Они вились и жужжали. Жужжали и разговаривали:

— Жу-жу-жу!.. А вы знаете, бабка вынесла целую миску костей. Жирные такие кости. Мозговые косточки с хрящиком. Жу-жу-жу... Люкс спит, и Черныш спит, и кот Егор спит — похрапывает, а кости сейчас грызет воробей! Тот самый воробей, что не пустил весной в скворечник скворцов. Ох, и разбойник воробей, и как он костями не подавится. Он же сейчас все кости сгрызет и Люксу не оставит. Это уж-ж-жасно!

Встрянул Люкс, помотал головой, отгоняя мух, поморгал глазами. Тихо во дворе и никаких костей не видно. Обманули мухи! Нельзя им верить. Опять положил пес морду на лапы. А мухи по-прежнему вьются, думать мешают, жужжат.

— Жу-жу-жу!.. Это что же на свете творится! Городской кот деда с бабкой съел, знакомую корову задрал, а сейчас к соседкиной козе-молочнице Марте подбирается. И ее сожрет, одни рога выплюнет. Кто будет соседке молоко носить?

Вскочил Люкс, смотрит — дед из огорода с книжкой идет, наверно, обедать. Кот в лопухах спит, как и спал. Опять обманули мухи! Снова задремал Люкс.

— Жу-жу-жу!.. — надоедают мухи. — Маленький пес еще дурачок, а Люкс совсем старый стал, не пошел с Галей на Луковую поляну. А с Галей-то — беда. Не пришла домой. Заблудилась, наверно, в высокой траве. Вон и Андрюшка с речки вернулся. По крылечку на одной ноге скачет, из правого уха воду выливает. А Гали-то нет! А на дворе — вечер... Жу-жу-жу.

Проснулся Люкс, смотрит — вечер наступил. Андрей, правда, по крылечку на одной ноге прыгает, видно, нырял много, а Галиного голоска не слышно.

Подскочил к Люксу Черныш. Обрадовался, что нашел, давай вокруг носиться, мокрым носом тычется в лохматый бок старшего товарища. Петух Петя по двору с Хохлаткой и Белушкой

прогуливается. Кота Егора в лопухах не видно, то ли деду ужинать помогает, то ли по саду побродить пошел. А Гали нет...

— Петро, — позвал пес петуха, — ты не видел, вернулась Галя с Луковой поляны?

— Да что-то не замечал, — ответил петух. — Хохлатка, а ты не заметила?

— Не видела, не видела, не видела! — затараторила Хохлатка.

— А ты, Белушка?

— Ко-ко-когда мне смотреть!..

— Беда мне с вами! — рассердился Петя. — Жаль, Пеструшка занята. Она бы уж не проглядела.

— Плохо дело, — понурился Люкс.

— А что такое?

— Понимаешь, Петя, мухи мне нажужжали, что Галя заблудилась.

— Не может быть! — петух взлетел на поленницу и крикнул: — Эй, воробей! Слетай-ка, друг, на Луковую поляну, посмотри там Галю.

— Верно, воробей, — попросил и Люкс. — Слетай, не в службу, а в дружбу. Галя у нас потерялась.

— Чи-чи-чиво там! — отозвался воробей. — Это пустяк. Вспорхнул воробей и полетел через улицу.

За улицей дом Кольки Самойленкова. Ходит Колька по огороду, грызет редиску. Не разобрал Колька, что летит Андрюшкин воробей, запустил в него огрызком редиски, да не докинул.

— Ну, подожди, — чирикнул ему воробей. — Придешь к нам, я тебе задам!

За огородом Кольки Самойленкова еще огород. Бродит по задам огорода козел Козел, молоденькую капусту ощипывает. Спикировал с высоты на него воробей, испугать хотел, да как во всю воробьиную мочь чирикнет:

— Привет, Козел!

А козел Козел рогом не повел и спокойно отвечает:

— Приветик! Ты куда это, птаха?

— Дела! — крикнул воробей и — дальше.

Еще одну улицу перелетел воробей и устал. Сел на какую-то палку передохнуть, отдышался, огляделся. «Батюшки! Да это же я на огородное чучело сел!» И точно. Стоит в огороде чучело в соломенной шляпе. На перекладине, на которую воробей сел, старая рубаха с одной пуговицей болтается. И говорит ему огородное чучело жалобным голосом:

— Что ж это ты, воробей! Или совести у тебя нет! Я тут огород от вашего брата стерегу, а ты

прямо на меня сел! Спасибо, хоть не на голову. Нехорошо это, воробей. Не по-товарищески. Брысь отсюда, а то я разревусь!

Испугался воробей, вспорхнул и — дальше.

А тут уже село кончилось, кочки внизу, как нестриженные головы, торчат, между ними лужи. Потом луг начался. А вот и Луковая поляна.

На Луковой поляне росло несколько старых дуплистых талин, жил жаворонок да компания веселых кузнечиков. Жаворонок сейчас в вечернем небе вился и звенел, как колокольчик. Кузнечики в траве трещали, и больше никого* на Луковой поляне не было.

Для верности облетел воробей по кругу всю поляну — нет Гали. Отдохнул он на тропинке, сил набрался и пустился в обратный путь. Потому что уже солнце садилось, а воробьи в темноте не летают, да и друзья его дома ждали.

Той же дорогой, как и сюда, только не через огород, где чучело стояло, а через другой,

вернулся воробей домой. Смотрит, у калитки собрались все знакомые. Люкс на улице сидит, с его хвостом щенок-несмышлениш забавляется. Кот Егор на калитку забрался, Петя — на поленницу. Коза Марта подошла, и знакомая корова только что с пастбища вернулась.

— В чужом огороде она! — убеждала всех коза Марта. — Где ж ей еще быть! Забралась и объедает салат.

— Ну, что вы! Как вы можете так говорить! — сказала знакомая корова. — Галя не коза, чтобы лазить по чужим огородам.

— Попрошу без намеков, — рассердилась Марта. — Я ведь все-таки даю два стакана молока.

— Полтора! — уточнил Петя. — И вообще, ты, коза, не то говоришь. Чуть-чуть не разгорелся спор, да как раз прилетел воробей.

— Наконец-то! — обрадовался Люкс. — Ну, что там?

— Ни-чи-чиво нет. Я всю поляну облетел.

— Беда, — совсем поник Люкс. — Надо что-то делать.

Прятели задумались, а по улице с лугов уже шло совхозное стадо. Степенные коровы важно мычали. Это они торопились предупредить доярок, чтобы готовили ведра. Напаслись коровы вдоволь, и молока будет много.

А позади стада — и как он успел, ведь только что лазил по огородам — шагал Козел.

— А, единоличники! Привет! — мекнул он и завернул к калитке. Компания молчала, и Козел понял, что случилась какая-то беда.

— Что это вы, ребята? — сочувственно спросил он. — Может, хозяева кого отлупили?

— Девочка у нас потерялась. За луком бегала, — объяснил Люкс.

— С косичками? — поинтересовался козел Козел. Люкс кивнул.

— В новеньком платьице с цветочками!

— С цветочками, — подтвердила корова.

— Видел я, видел, как она по переулку бежала. Может, и не заметил бы, да она очень уж хорошую песню про меня пела. Как же это она пела? Вот ведь вылетело из головы. Это все из-за ушей. Уши у меня большие. Вот из них все и вылетает! Нет, все-таки вспомнил!

Козел с бородой,
Погонись за мной!
Не погонишься,
Не воротишься!

Я бы погнался, чего не погнаться, да занят был.

— А обратно? — с надеждой в голосе спросил Люкс. — Обратно она шла?

— А вот обратно, не видел. Меня, понимаешь, одна хозяйка попросила капусту прополоть.

Отказать я не мог. Прополол у одной, а там вторая зовет...

— Что же делать будем? — спросил у всех Люкс.

Опять задумались друзья, и только Егор, нарушив общее молчание, сказал:

— Эх, телефончик бы мне!

— Телефончик? — заинтересовался Козел. — А что это такое? Егор потянулся, снисходительно посмотрел на Козла и ответил:

— Телефончик — это техника.

— Техника! — недовольно потряс бородой Козел. — У меня ваша техника вот где сидит!

И он нагнул голову так, чтобы все могли рассмотреть его рога. На рогах у Козла болтался моток колючей проволоки, какой обтягивают заборы. Видно, где-то запутался в нее Козел, лазая по огородам, а отцепиться не мог.

— Да зачем тебе телефончик? — недоумевал Люкс.

— Я бы позвонил куда-нибудь и спросил, нет ли у вас Гали? Если бы там не оказалось, я бы еще куда-нибудь позвонил. По телефону с кем хочешь разговаривать можно.

Все внимательно слушали Егора и поражались его знаниям. А Марта сказала Козлу:

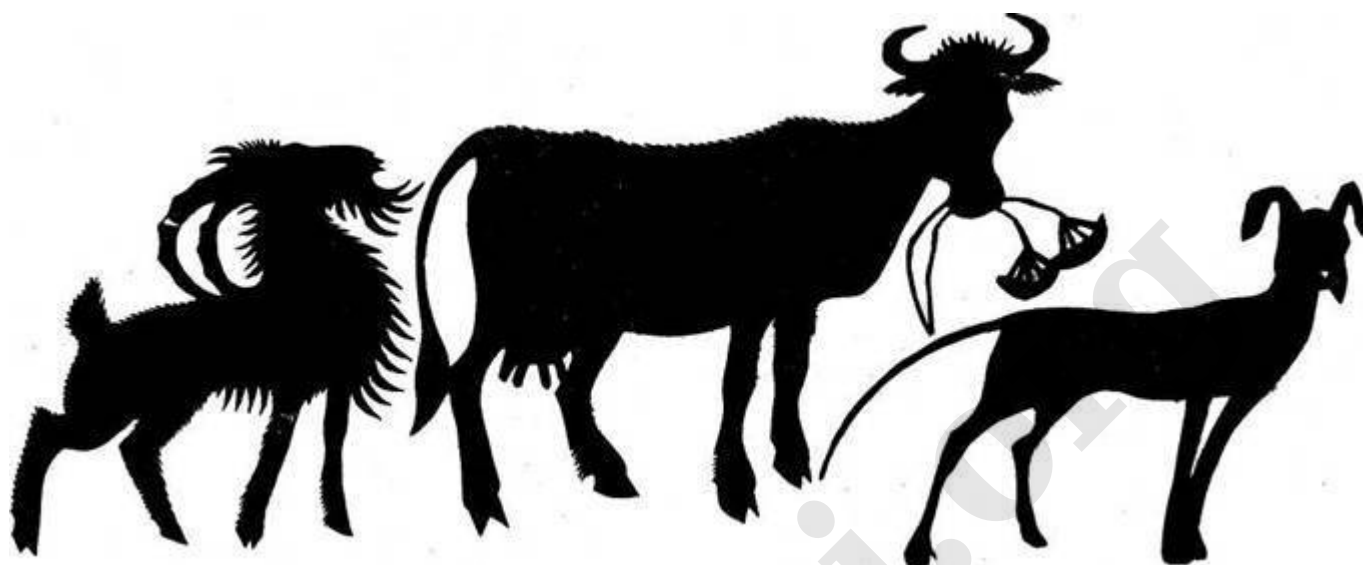
— Учтите, здесь собралось очень приличное общество. Егор, например, приехал к нам из города. Зачем ты, Егор, приехал?

— На каникулы, — подсказал кот.

— Вот, вот. На каникулы. И в технике Егор разбирается...

— Не верю я в технику, — не сдавался козел Козел. — Вот трактор — тоже техника, а попробуй с ним пободайся. Так поддаст, что будь здоров!

А Галя все не шла. Напрасно знакомая корова смотрела в сторону переулка, зря Егор принюхивался и прислушивался — девочка не показывалась, и шагов ее не было слышно.

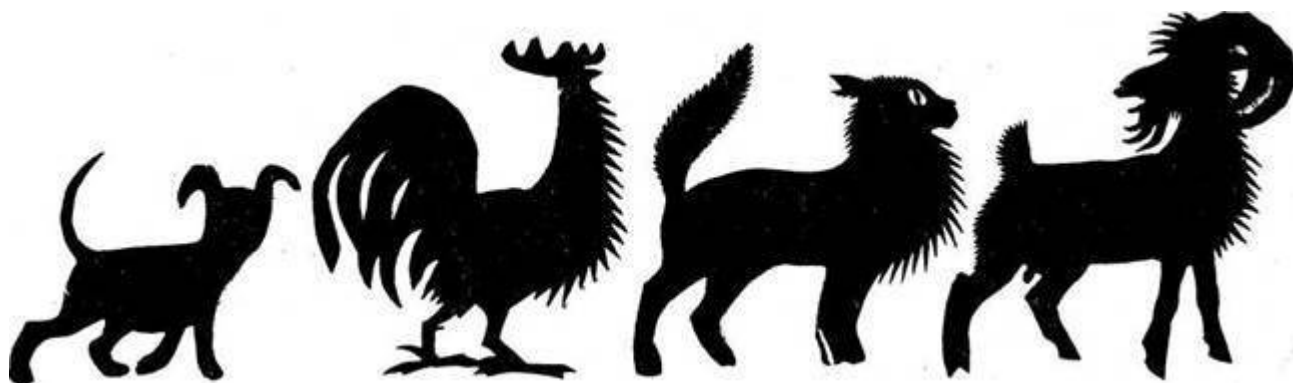
— Ребята! — вдруг нарушил молчание Козел. — А не пойти ли нам на розыски? Воробей хоть и летал на Луковую поляну, так он через огороды, а мы пойдем по дороге, может, и разыщем ее, а?

Предложение Козла всем понравилось. Знакомая корова и коза Марта побежали скорей по домам, чтобы хозяйки подоили их до темноты. Петух Петя стал загонять Хохлатку и Белушку в курятник — пусть спят. Егор тоже сбегал в дом, помог деду поужинать и вернулся за калитку, где поджидали остальных Люкс, Черныш и Козел.

— А меня, дед, возьмешь? — в который раз спрашивал у Люкса Черныш. Ему не верилось, что наконец-то он пойдет за поселок, а то сидит и сидит во дворе. Так можно всю жизнь просидеть, белого света не увидеть. Люкс успокаивал щенка, тот радостно повизгивал и от нетерпения носился то к дому Марты, то к воротам Петровны.

Наконец, когда уже высыпали звезды, все собрались. Хозяйка Марты закрыла калитку на крючок, но Марта перемахнула через ограду.

— Вот это по-нашему! — похвалил ее козел Козел.

Он взял на себя командование отрядом. Хотели уже выступать в путь-дорогу, да обнаружили,

что нет воробья.

— Да он спит, — догадался Люкс. — Воробьи рано укладываются. Чтобы не привлекать внимание людей, звать воробья не стали. Только вышли на середину дороги, петух Петя свалился в кювет.

— Как это тебя, Петро, угораздило? — заботливо спросил Козел.

— Что-то, братцы, я ничего не вижу.

— Так и мы плохо видим, ведь ночь.

— А я совсем ничего не вижу.

— Вернись-ка ты, Петя, домой, — посоветовал Люкс. — У тебя же куриная слепота.

— А ведь и верно, — поддержала корова. — Куры, они плохо видят ночью, потому-то с вечера на насест забираются.

— Да что я вам, курица, что ли?! — петушился Петя.

Но идти в темноте он не мог, то и дело спотыкался, налетал то на Егора, то на Черныша, путался под ногами у Марты.

— Рядовой Петух! — скомандовал Козел. — Кру-гом марш!

Ничего не поделаешь, пришлось Пете возвращаться. Но он побежал не к своей калитке, а к дому Кольки Самойленкова. Поручили Егору провожать его до курятника. Кот в темноте видел лучше всех.

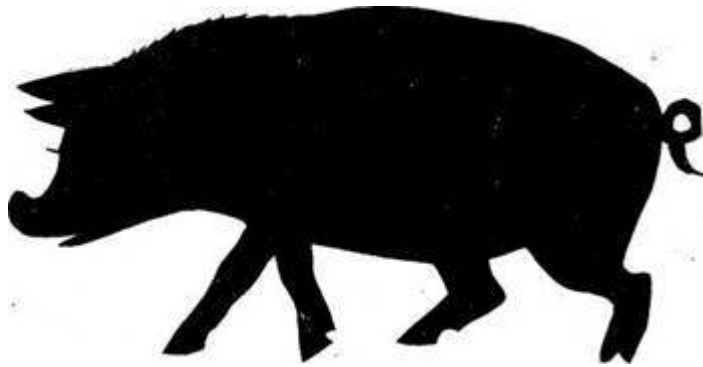
Улицу до переулка прошли без новых приключений. А в переулке, хотя днем здесь часто ходили Козел, корова да и Люкс в молодые годы, отряд остановился. В темноте переулок казался совершенно незнакомым. Черныш рычал на кусты, Егор ко всему принюхивался, он ведь тоже впервые зашел так далеко от бабушкиного дома.

— Здесь, братцы, две дороги, — задумчиво сказал Козел. — Одна — ничего, сухая, правда, с ухабами, а на второй и ноги поломать можно. Надо бы идти, конечно, по хорошей. А вот какая из них хорошая, какая плохая, хоть хворостиной меня лупи — не вспомню.

— Днем-то тут все видно, — сказала корова. — Да я, признаться, когда здесь иду, больше на травку смотрю, а не на дорогу...

— Пошли по левой, — решил командир Козел.

Прошли немного по левой дороге, слышат, кто-то топает навстречу. Что за прохожий? Остановились, а это свинья. Идет, похрюкивает.

— Послушай, тетка, скажи-ка ты нам, куда ведет эта дорога? — спросил Козел.

— А в лужу! — радостно ответила свинья. — Идите, идите, я только что оттуда — место свободное.

— Нам это не подходит, — обиделся Козел.

А Люкс спросил, не видела ли свинья, когда купалась в луже, маленькую девочку.

— Чудак, — хрюкнула свинья. — Я, когда в грязи лежу, ничего не замечаю. Вот заберись, поваляйся, увидишь, как это приятно.

Но в лужу друзья забираться не стали, а перешли на правую дорогу. По ней добрались до конца переулка. Впереди, над кочками, висел белесый туман. Через кочки на луг вела тропинка. Но где она, попробуй разберись в темноте. Прошлись немного вдоль кочек.

— Кажется, тут, — остановился Люкс.

— Как? — спросила из кочек лягушка.

— Да мы тут тропинку ищем, — ответила ей корова.

— Как? — спросила опять лягушка.

— Тропинку, говорю. Ты не знаешь, где тропинка? Нам нужно на Луковую поляну перейти. Девочку мы ищем.

Лягушка внимательно выслушала корову, еще раз спросила: «Как?» и бултыхнулась в воду.

— Пойдем напрямик, — решил Козел. — А то мы эту тропинку всю ночь проищем.

Пошли друзья напрямик, кто как мог. Егор скакал с кочки на кочку. Корова и Козел повыше других, они кочки перешагивали. Черныш и Марта пробирались за Люксом между кочек.

Сначала кочки стояли на сухом месте, потом под ногами захлюпала вода, зачавкала тина. На луг выбрались мокрые и грязные.

— Давайте покричим, — предложил Козел. — Только разом: раз, два, три!

Корова замычала, Козел с Мартой замекали, щенок затыкал, а кот Егор замыкал. А когда еще хрипло залаял Люкс, шум поднялся такой, что если бы Галя им отвечала, все равно никто ничего бы не услышал. Первая догадалась об этом корова.

— Вы меня, конечно, извините, но так у нас ничего не получится, — сказала она. — Давайте

сначала покричим, а потом помолчим и послушаем.

Опять Козел scomандовал «раз, два, три!», опять друзья замычали, замекали, залаяли, затывкали и замыюкали, а потом разом все смолкли. И только наступила тишина, как на кочку вскочила лягушка и вежливо спросила:

— Как?

— А вот так! — рассердился Егор и прыгнул на нее.

Лягушка со страху свалилась в воду. Не удержался и кот и тоже искупался. Мокрый и сердитый, выбрался он на луг. Там долго отряхивался и отфыркивался.

Накричавшись, отряд пошел дальше.

На Луковой поляне никого не было. Даже кузнечики спали.

Усталые, измазанные и мокрые вернулись друзья домой, а Егор, к тому же, потерял свой бантик. Вся улица уже спала, и в доме деда и бабки тоже не горел свет.

До самого рассвета тревожно ворочался под крыльцом Люкс и гадал — куда же пропала девочка. Егор из сада запрыгнул в открытое окно, прошелся по дому, послушал, как похрапывает дед, как спокойно и тихо спит бабушка. Все были дома, только Галина постель стояла пустой.

Егор вернулся к Люксу и рассказал ему об этом. «Не доглядел, не устерег, — упрекал себя пес. — А был бы помоложе, разве бы отпустил я ее одну за поселок...»

А утром, когда только-только поднялось за Луковой поляной солнце, прибежала знакомая корова, как теленок, взбрыкнула ногами и радостно замычала:

— Люкс, Егор, Петя, воробей! Извините, что я вас так рано бужу, но Галя-то у нас. Стоит на крыльчке и потягивается!

Вскочил Петя на поленницу, высунулся, зевая со сна, воробей из скворечника, забрался Егор

на крышу — смотрят, а Галя и правда с Петровной на крыльце умывается из таза.

Оказывается, она никуда не терялась, а просто ходила к Петровне ночевать.

Пеструшкины цыплята

Пеструшка высиживала цыплят. Она устала, но не оставляла гнезда.

— Нет еще? — спросила как-то Хохлатка, заскочив в курятник.

— Нет, — вздохнула Пеструшка.

— Ну и брось ты их! Пойдем погуляем. Ничего с ними не делается.

— Что-ты, что-ты, что-ты! — закудахтала Пеструшка. — Да как же их бросить? Они вот-вот выведутся.

— А Галька! — воскликнула Хохлатка.

— Что Галька?

— Галька-то положила яички за трубу, а сама бегаёт. Даже дома не ночует, вчерась у Петровны ночевала. А птенцы ее сами по себе выводятся! За трубой, как в инкубаторе!

— И вывелись?

— Пока нет, но скоро выведутся. А тебе надо прогуляться. Ты на себя не похожа — исхудала вся.

— Да нет уж, буду я сидеть до конца, а ты иди гуляй.

И только сказала это Пеструшка, как почувствовала, будто одно яичко под ней шевельнулось. Она замерла, прислушиваясь. Слушает и не поймет, то ли это сердце у нее бьется, то ли кто-то в яичке по скорлупе постукивает. И тут — крак! — треснула скорлупа. И тут — пи-пи! — вывалился из нее цыпленок!

Хохлатка выскочила и закудахтала на весь двор:

— Ах, ах! Куд-кудах! Ко-ко-ко!

— Что такое? — подскочил к ней петух Петя. А Хохлатка все свое:

— Ах-ах! Куд-кудах!

К Хохлатке Белушка подбежала и тоже давай кудахтать. Вот глупые куры!

Заскочил тогда Петя в курятник, слышит, цыпленок плачет. Вылетел Петя во двор и закукарекал во все горло.

А щенок, который до этого только тьявал, вдруг гавкнул: «Гав-гав!» Гавкнул и себе не поверил. Попробовал еще раз — получается. Тогда он залился веселым тоненьким лаем. Обрадовался Люкс и тоже залаял. Это ведь событие — Черныш научился лаять!

На этот шум выбежала из дома бабушка. Слушает и ничего понять не может.

— Ах, чтоб вас дождиком замочило! — рассердилась бабушка.

А потом догадалась, что неспроста шум-переполох. Заглянула бабушка в курятник, а там желтенький цыпленок. Крикнула бабушка Гале, чтобы принесла она сито. Посадила в сито цыпленка и понесла его через двор в избу.

Когда петух Петя накукарекался, курицы накудахтались, а первый цыпленок обсох в сите и стал пушистым и красивым, Галя побежала в летнюю кухню посмотреть, не вывелся ли ее собственный цыпленок. Она осторожно достала из-за трубы Андрюшкину счастливую рыбацкую кепку и стала слушать, не проклевывается ли цыпленок. За этим занятием ее и застал Андрей.

— Отдавай мою кепку! — закричал он. — Я ее ищу, ищу, а она в нее яички складывает!

Напрасно Галя объясняла, что она не складывает в кепку яички, а выводит в ней цыплят, Андрей кепку отобрал.

— Нашла тоже инкубатор, — сказал он. — Вот пойдешь в школу, там узнаешь, что в кепке цыплята не выводятся.

Так и не вывела Галя своих цыплят. Зато у Пеструшки в тот же день проклюнулся еще один цыпленок, а потом еще один.

— Сколько же теперь у нас цыплят? — думал Петя. Считать он мог только до двух. Когда из скорлупы выбрался второй цыпленок, Петя всем объявил, что цыплят теперь двое. Но появился еще один, и Петя со счета сбился. Побежал он к Люксу, но и старый пес дальше двух считать не умел.

— Спроси у Егора, он городской, — посоветовал пес. Разыскал Петя Егора, потоптался возле него и спрашивает:

— Сколько будет два да еще один?

Подумал Егор, пожмурился, повилял хвостом и ответил:

— Много!

— Много, — обрадовался Петя. — Теперь у нас много цыплят!

К вечеру, когда Пеструшка вывела еще одного цыпленка, Петя, уже не раздумывая, побежал к Егору.

— А теперь сколько?

Долго думал Егор, чесал лапой затылок: «Сначала Пеструшка вывела два цыпленка да теперь еще два, сколько же это?» Считал Егор, считал, а сосчитать не мог.

— Эх, телефончик бы мне, — сказал он наконец. — Позвонил бы я куда-нибудь, нам бы и сосчитали.

— Может, сто? — сказал воробей, который слышал этот разговор и очень сочувствовал друзьям.

— Может, и сто, — согласился Егор. — Было много, а теперь, может, и сто...

Люкс тоже считал про себя: «Один да один, будет два. Два да один — много. Много да один, наверно, очень много!»

— Я так думаю, — сказал он после долгих раздумий. — Было много, а теперь — очень много!

И все обрадовались — наконец-то сосчитали! Все-таки умная голова у Люкса.

А ночью Пеструшка высидела последнего цыпленка и уже утром повела их гулять.

Галя по этому случаю надела то самое платье с цветочками и мячиками. Егор хорошенько прилизался. Петух Петя отгонял от Пеструшки Хохлатку и Бе-лушку. Когда Черныш сунулся понюхать цыплят, Петя клюнул его в мохнатую спину. Щенок завизжал и больше к цыплятам не подходил.

Коту петух сказал:

— Егор, ты мне друг, но надеюсь, ты меня понял. Егор понял и поглядывал на цыплят только со стороны.

А Пеструшка суежилась вокруг своих детей, разгребала землю, что-то там находила и звала цыплят:

— Ко-ко мне!

И цыплята, семена тоненькими ножками, как пушистые желтые мячики, катились на ее зов.

Галя опять где-то нашла песенку, на этот раз про цыплят, и распевала ее на весь двор:

Раз, два, три, четыре, пять!
Стали мы цыплят считать.
Не успели досчитать,
Пятый кинулся бежать.
А за пятым, вот беда-то,
Друг за дружкой все цыплята.
И теперь не разобрать,
Кто Один, а кто здесь Пять!

«А может, их и правда пять», — думал петух Петя. Плохо, ох, плохо быть неграмотным.

Охотничья наука Люкса

У молодого хозяина был выходной. С утра он, дед и Андрей сбивали лодку. Они стучали, а за садом заливалась Пустобрешка. Егор с крыльца наблюдал за работой. «Интересно, — думал он. — Лежали в саду простые доски, а сколотили их, и получился ящик. Может быть, это мне строят дом?»

— Это лодка, — объяснил ему Люкс. — На такой лодочке мы с хозяином, бывало, ездили на охоту.

А потом во двор зашел молодой хозяин, от него пахло машинами и стружками. Хозяин потрепал по загривку щенка, пощекотал у него за ушами и сказал:

— Расти, Черныш. Осенью поедем с тобой на охоту. Люкс-то у нас на пенсии.

Черныш скакал и радовался. А когда хозяин ушел, Люкс сказал:

— Эх, и поохотились же мы с хозяином, есть что вспомнить. Ты, правда, расти, Черныш. Охота для собаки — все!

— Дед, — пристал Черныш, — расскажи про охоту.

— Расскажи, Люкс, — попросил и Егор.

С тех пор, как он поймал хорька, а потом мышь, Егор тоже считал себя охотником.

Люкс улегся посредине двора, чтобы всем было слышно. Тут как раз подошла Марта. Она убежала из своего двора, потому что устала от лая Пустобрешки.

— Так я когда-нибудь оглохну, — пожаловалась она. — Отдохну хоть у вас от ее лая. Если я, конечно, не помешаю. Рассказывай, Люкс.

— Да, — задумчиво сказал Люкс. — Охота — великое дело. Вот говорят — охотник, охотник! А по-моему, главный на охоте не охотник, а пес! Ты это запомни, Черныш.

Возьму я другой раз хозяина на охоту. Одному ведь нельзя. Надо чтобы кто-то ружье нес, на лодке греб. Ну, сядем на лодочку, поплывем по речке. Я-то вижу, что у берега утки, а хозяин сидит себе хоть бы хны. Толкну его лапой, гляди, мол, дичь! Тогда хозяин встрепетается, бабахнет дуплетом...

— Как, — затрясла рогами коза, — «дуплетом»?

— Ага, дуплетом. Это значит, сразу из двух стволов выстрелит. Так я и считать до двух научился. Утки — бух, бух в воду. И что вы думаете, нырнет хозяин за ними?

Рассказчик обвел слушателей умными собачьими глазами и, увидев, что все молчат и не знают, что ему ответить, сказал:

— Нет, конечно. Приходится мне плыть! Вот так-то, друг Черныш. А подобьем мы утку на болоте, кто ее должен искать? Как ты думаешь. Черныш?

Черныш завилял хвостиком и сказал:

— Хозяин!

— Вот уж нет. Хозяина за уткой никогда не посылай. Бесполезно. Все равно не найдет. Вот и суди теперь, кто главный на охоте, хозяин или пес. Не найдем мы, собаки, утку — придется возвращаться домой без дичи. И запомни, Черныш. Хоть утку поймал ты — отдай ее хозяину. Некоторые собаки не отдают, хотят сами нести добычу домой, но это глупо. Ты отдай, пусть тащит. Тебе же легче домой бежать. На охоте знаешь, как устаешь.

— Дед, — спросил Черныш, — это же обидно? Я поймаю утку, а хозяин ее понесет, и все подумают, что это он ее добыл.

— Ничего, — ответил Люкс. — Пусть несет. Все равно другие собаки хорошо знают, кто главный на охоте, а кто нет. А дома за это тебя хорошо покормит хозяин. Вынесет кость и скажет: «На тебе, Черныш! Отличная штука. Сам бы грыз, да тебе решил отдать».

Пес замолчал, видно вспоминая молодые деньки, и только слышно было, как заливаются Пустобрешка.

— Да, — встрепенулся Люкс. — В лодке не вертись. Начнешь вертеться, и хозяин, глядя на тебя, ворочаться станет. Еще опрокинете лодку. Тебе же хозяина спасать придется. Человек, конечно, друг собаки, но я тебе скажу по секрету, — Люкс даже улыбнулся, что-то вспомнив. — Если рассердишься на хозяина, можешь его иногда проучить. Подойди к нему поближе, когда ты мокрый, и хорошенько отряхнись. Хозяин словно под дождиком побывает.

— А хорошо это, дед? — спросил щенок.

— Не очень, конечно, но ты этот способ на всякий случай запомни, может, и пригодится. А вообще-то, охота — великое дело. Эх, охота, охота! И набегаешься и налаешься. Устанешь, вымокнешь, но зато себя настоящей собакой чувствуешь!

Помолчали, послушали Пустобрешку, и Люкс попросил Марту:

— Пошла бы ты, уняла Пустобрешку. Ну чего она зря надрывается?

— Я сбегаю, — сказала Марта, — только это едва ли поможет. Перемахнуть через забор Марте — пустяк. Она подошла к Пустобрешке и решила схитрить.

— Слушай, — сказала она, — ты не лай так долго, можешь прослушать интересный разговор хозяев.

— А зачем он мне, — огрызнулась Пустобрешка и продолжала лаять. Марта улеглась рядом и стала ждать. Непутевая Пустобрешка, не обращая на нее внимания, лаяла изо всех сил.

— Ты на кого это? — наконец поинтересовалась Марта.

— Ни на кого. Просто так, для страха, чтобы все меня боялись. Ведь страшно?

— Как тебе сказать, — замялась Марта. — По-моему, не очень. И вдруг Пустобрешка замолчала.

— Устала? — сочувственно спросила коза.

— Нет, — ответила Пустобрешка, — я слушаю, далеко ли разносится мой лай.

Марта удивилась:

— Да как же ты свой лай услышишь, если сама в это время не лаешь?

— А я лаю, лаю, а потом — раз, и замолчу. Замолчу и слушаю...

— Ну и что, хоть раз слышала?

— Пока нет, но, может быть, когда-нибудь и услышу, — ответила Пустобрешка и снова принялась лаять.

С тем и вернулась Марта к Люксу.

Люкс, возбужденный своими рассказами об охоте, решил сам усостыжить Пустобрешку. Сказав друзьям, чтобы они его подождали, он отправился к соседке. Скажу ей об охоте, напомню о собачьем долге, может, и перестанет. А то ведь от ее лая у всех голова болит. Но Пустобрешка послушала-послушала старого пса и снова принялась лаять.

Рассерженный, вернулся Люкс в свой огород. Идти к друзьям не хотелось. Они ведь надеялись, что Люкс уgomонит Пустобрешку. Он улегся между курятником и сарайчиком и решил здесь подремать. Но, какое там, Пустобрешкин лай не давал ему покоя. Люкс вскочил и по-старчески хрипло гавкнул. Гавкнул он не очень громко, потому что громко уже не мог. Но случилось невероятное. Лай его прогремел словно в трубу. Мало того, он отразился от березовой рощи и вернулся оттуда, будто другой пес отвечал из рощи Люксу. Сам Люкс от неожиданности выскочил из своего укромного уголка и огляделся. Испуганная Пустобрешка сразу замолчала.

«Неужели это я?» — подумал Люкс и гавкнул ещё. На этот раз у него получилось как обычно — хрипло и не очень громко. Тогда Люкс вернулся в закуток между курятником и сарайчиком и опять залаял. И лай его, будто усиленный громкоговорителем, загремел и заметался между сарайчиком и березовой рощей!

Перепуганная Пустобрешка, поджав хвост, забралась под завалинку. Воробей пустился наутек из своего скворечника. Бабушка выглянула из окошка, а на крыльце стоял и смеялся молодой хозяин.

— Ну и Люкс, — говорил он. — Вот молодец! Нашел место, откуда раздается эхо!

С улицы прибежал Андрейка и спросил:

— Папка, что это такое?

— А вот пойді сам за курятник и покричи.

Андрюша побежал в то место, откуда лаял пес, и закричал:

— Эге-ге-гей!

— Гей! Гей! Гей! — ответило ему эхо.

— Вот уедет Егор в город, — сказал бабушке дед, — захочешь ты его позвать. Зайдешь за курятник и покричишь. Без телефона услышит!

Так Люкс нашел в огороде место, откуда раздается эхо, и отучил Пустобрешку попусту лаять.

Несчастье с воробьем

На всей земле Галька завидовала только девочке Оле и курице Пеструшке. И все потому, что Оля уже целую зиму проходила в школу и умела читать и писать, а Галя должна была пойти учиться только первого сентября. Нельзя было не завидовать и Пеструшке. Пеструшка целый день гуляла со своими цыплятами. Она учила их клевать, разгребать землю, прятаться под крыло, когда в небе над огородами показывался коршун. А у Гали из-за Андрюшки цыплята не вывелись. Долго крепилась Галя и наконец рассказала обо всем бабушке.

— Не переживай, — сказала бабушка, — а ухаживай вместе с Пеструшкой за ее цыплятами, присматривай за ними. И всем будет хорошо.

И Галя стала хозяйкой целых пяти желтеньких цыплят. Она наливала им в корытце водицы, кормила их. Прогоняла от цыплят Егора и Черныша. Когда Галины подружки звали ее на речку, она отказывалась:

— Разве вы не видите, что мне некогда, — я цыплят пасу.

А с Андрюшкой, после того как он отобрал у нее свою кепку, Галя вообще не хотела разговаривать.

— Галька! — звал Андрей, а она молчала.

— Галя! — надрывался Андрей. — Галька!

— Что «Галя»? — отвечала наконец сестренка. — Я уже семь лет Галя.

— Не семь, а осенью будет семь! — сердился Андрюша и уходил обиженный.

Зато воробью привалило счастье. Цыплят кормили часто, воробья от них не гнали, и он отъелся, располнел так, что и летать ему не очень хотелось. Попрыгает по двору, наклюется вареного зерна, напьется воды и в скворечник. Подремлет там, а как услышит Галин голос: «Цып-цып-цып!» — опять летит во двор.

Клевал он теперь не каждое зерно, а на выбор. Прежде чем склонуть зернышко — поворочает его с боку на бок, посмотрит румяное ли оно да хорошо ли разварилось. Но однажды вспомнил воробей про своих друзей-приятелей, что жили и столовались у сельмага. Вспомнил и решил их

проведать.

Раньше до магазина воробей долетал без отдыха. А сейчас пролетел полдороги и устал. Сел он на чью-то телевизионную антенну, отдышался, отдохнул, а потом уже отправился дальше.

Увидели его друзья воробьи, слетелись, раскричались:

— Ты ли это?!

— Ребята, он у нас с курицу решил вырасти!

— Да что ты такое клюешь? Да что ты такое пьешь?

А воробей говорит:

— Братцы, решил я вас на пир пригласить.

И объяснил им, что живет он теперь богато. Кормят его отборным ва реным зерном, даже петуху такого не дают, а только ему и цыплятам. Воду пьет он не из лужи, а из корытца. Это особенно поразило воробьев.

— Пивал и я когда-то воду из корыта, — вздохнул старый воробей. — На конюшне дело было. Ох, и водица, доложу я вам. Пьешь и не напьешься!

И решили воробьи принять приглашение. Совсем уж собрались лететь, да старый воробей вспомнил про кота.

— Кот сейчас спит. Он всегда в полдень спит, — успокоил воробей. — А если и не спит, то мы с ним приятели. Я скажу, что вы со мной!

— А рак? — забеспокоился кто-то.

— Рак и голосу не подает, уполз куда-то рак!

Поспорили немного воробьи, они любят поспорить, и полетели. Возле бабушкиного дома напал на воробьев страх. Некоторые хотели даже возвращаться. Но наш воробей их пристыдил и велел, раз они боятся, посидеть пока в огороде, а сам отправился на разведку.

Во дворе все было спокойно. Люкс спал под крыльцом, Черныш — в конуре, Егор где-то бродил. А возле курятника осталось недоеденное цыплятами зерно, и в корытце поблескивала водица.

Подал воробей сигнал своим друзьям, и они, сначала один, потом другой, а потом и все

налетели на угощение. В несколько минут склевали воробьи все зерно. А старый воробей, самый мудрый, увидел на скамейке, возле курятника, тарелку с цыплячьим кормом. Это Галя приготовила его на вечер. Пока другие воробьи по земле прыгали да друг у друга зерна отбирали, старый воробей один в тарелке пировал. Но заметили это остальные, налетели и тарелку перевернули. Звякнула посуда и покатилась. Выскочил из конуры Черныш — затыкал, а за ним, откуда ни возьмись, Егор! Воробьи — фыр! — и в огород, а из огорода в рощу. За ними и наш воробей пустился.

Уселись в роще воробьи на сухую березовую ветку и хвалятся, кто сколько зерен склевал. Почирикали, почирикали, похвалили угощение, как вдруг — з-з-з!.. Пролетел мимо камень, за ним другой, потом третий! Воробьи — врассыпную, да поскорей домой. А наш воробей не разобрал в чем дело, кричит:

— Ребята! Пойдите! Куда вы?

Тут новый камень — з-з-з! И прямо по ветке, у самого носа воробья — стук!

Вспорхнул воробей, а мимо него камни — з-з-з! Ж-ж-ж! Смотрит он, под березой мальчишки стоят и в него из рогаток стреляют. Воробей скорей домой. А камни за ним следом — з-з-з! Ж-ж-ж!

Как долетел воробей до скворечника, как юркнул в него, сколько там просидел затаившись, сам не помнит.

Выглянул он из скворечника только под вечер. Слышит, в саду бабушка деду рассказывает:

— Мальчишек я сейчас отругала. Сидят трое за огородом и курят.

— Большие? — спросил дед.

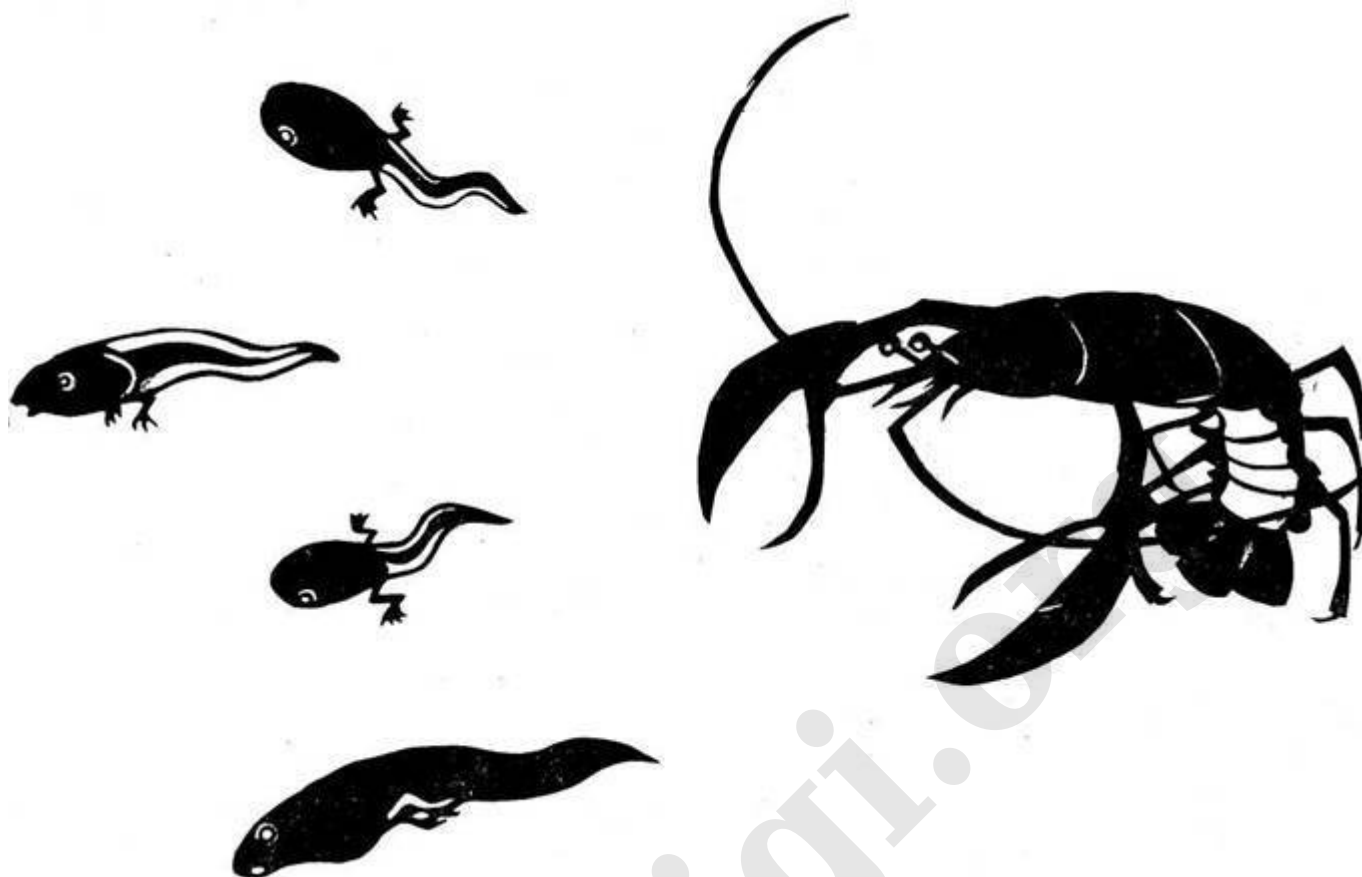
— Какие там большие, с Андрюшку нашего. Я выломала хворостину да за ними, а они в рощу, и папиросы бросили.

«Это они, — подумал воробей, — но раз их бабушка прогнала, можно вылезать».

А бабушка дальше рассказывает. Оказывается, в луже, что в конце огорода, нашла она сбежавшего рака.

— Ползает там, — сказала бабушка, — головастиков пугает.

— Надо сказать Андрею, пусть отнесет его обратно в речку. Чего ему в луже какой-то жить, — решил дед.

Только выпорхнул воробей из скворечника, увидел его петух Петя и радостно закричал:

— Здорово, воробей!

— Здовово, — отвечает воробей.

— Что ты сказал, — не понял Петя.

— Я гововю, здовово...

Очень удивился Петя и у Хохлатки спрашивает:

— Хохлатка, ты поняла, что он лепечет?

— Ко-ко-конечно, не поняла, — ответила Хохлатка.

— Да где ты был? — спрашивает Петя. Что-то тебя с самого утра не видно.

— К вебятam вoвoбьям летал!

— Куда, куда летал?

— К вoвoбьям, — чуть не плачет воробей.

Он и сам понимает, что говорит неправильно, но лучше никак не получается.

Люкс из-под крыльца выбрался, Черныш прибежал, кот Егор подошел, смотрят они на воробья и удивляются. Рассказал тогда воробей, как он пригласил к себе гостей, как они пировали и как в конце концов их обстреляли из рогаток мальчишки.

— Как выствелят из вогаatok, как выствелят! — закончил свою страшную историю воробей, — а камни — ж-ж-ж! З-з-з!

— Понятно, — сказал Люкс. — Это ты от переживаний картавить стал. Буквы «р» не выговариваешь. Ну-ка, скажи: р-р-р!

— В-в-в! — сказал воробей.

— Дед, — подскочил Черныш, — а я могу говорить «р»! — И он зарычал: Р-р-р!

— Можешь, можешь, — похвалил Люкс, — а теперь, воробей, чирикни!

— Чик-чивик! Чик-чивик!

Услышала курица Белушка, как воробей смешно чирикает, и скорей в курятник убежала, чтобы при всех не рассмеяться.

— Плохо дело, — молвил Люкс. — Надо с опытными людьми, то есть не с людьми, а с животными посоветоваться. Лечить тебя придется, а то так и будешь всю свою воробьиную жизнь картавить.

— Помоги, Люкс, — запрыгал воробей вокруг него, — а то меня кувы засмеют.

Теперь уже все стали понимать воробья, и Петя, разобрав, что «кувы», это на самом деле «куры», сказал:

— Ты что, не знаешь, кто у нас в курятнике главный? Я им посмеюсь!

— Эх, телефончик бы мне! — вздохнул Егор. — Я бы все мигом узнал...

Страшная месть

На следующий день с утра Черныш носился по улице. Ему было весело, он выполнял поручение Люкса.

— Тетушка Марта, — тьякал он через ограду, — тетушка Марта! Вечером у нас будет собрание! Приходите! — и мчался к знакомой корове.

— Тетушка корова! — лаял он у двора, где жила знакомая корова. — Приходите пораньше с лугов. У нас сегодня собрание!

У переулка он дождался, когда пройдет совхозное стадо, и позвал на собрание Козла.

Все приглашенные сошлись задолго до захода солнца. Люкс не стал говорить длинных речей, а показал всем на воробья и сказал:

— А ну-ка, воробей, чирикни!

— Чик-чивик! чивик! — чирикнул воробей. Марта и Козел в один голос от удивления мекнули.

— Слышали? — спросил Люкс. — А еще недавно наш друг воробей чирикал, как все воробьи. — И пес рассказал печальную историю о нападении мальчишек на воробьев.

— Безобразие, позор! — возмутился Козел. — Я, например, люблю по-бодаться, подраться, но

слабых никогда не обижал.

— Я так думаю, — заметила корова. — Мальчишек надо проучить. Проучил же ты, Люкс, Пустобрешку, и она больше попусту не лает.

— Может быть, не давать им капустных листьев? — предложила Марта.

— Ну, как мы им не дадим? — затряс бородой козел Козел. — Не будем же мы всю жизнь ходить за ними следом и ждать, когда мальчишки начнут грызть капустные листья. Я предлагаю их пободать.

— Ставлю предложение Козла на голосование, — сказал Люкс.

А за бабушкиным огородом вился в это время синий дымок. Там сидели Сашка, Пашка и брат его Игнашка. Мальчишки по очереди курили одну папиросу «Прибой».

— Что-то я больше не хочу, накурился, — сказал Сашка, когда подошла его очередь.

Лицо у Сашки стало зеленое, его тошнило, но Игнашка сказал:

— Слабак! Кури. Какой же ты мужик, когда одну папиросу на троих выкурить не можешь.

И бедный Сашка затянулся горьким противным дымом.

Дымок за огородом первым заметил воробей. Он сидел повыше других и нет-нет да поглядывал в сторону рощи, где вчера ему довелось столько пережить.

— Двухъя! — воскликнул воробей. — А ведь мальчишки опять там!

Петух Петя вскочил на поленницу и подтвердил:

— Курят!

— Значит, сделаем так, — предложил Козел. — Весь рогатый скот — я, корова и Марта, побежим сейчас в рощу и будем наблюдать с тыла, а вы, ребята, наступайте с огорода!

— Люкс у нас ужас как громко лает, — сказала корова. — Пусть он остается здесь и подаст нам сигнал.

На том и порешили.

Знакомая корова, коза Марта и козел Козел припустили через переулок в рощу. Там корова и коза сделали вид, будто они просто пасутся, а козел Козел, пощипывая травку, направился к мальчишкам-курильщикам.

Кот Егор, щенок Черныш и петух Петя подкрались к мальчишкам через огород. Воробей взлетел на трубу, чтобы оттуда наблюдать за сражением.

Люкс встал между курятником и сарайчиком, в том самом месте, откуда его лай становился особенно громким и грозным...

Сашка, Пашка и брат его Игнашка докурили наконец папиросу.

— Я, наверно, пойду домой, — проговорил Сашка. — Что-то у меня голова болит.

— Эх, ты, — укорил его Игнашка, — а у нас с Пашкой ни капельки не болит.

— Ага, — отозвался Пашка, хотя голова у него уже давно разламывалась от боли.

Только успел сказать Пашка свое «ага», как раздался грозный лай. Сашка, Пашка и брат его Игнашка вскочили, но в ту же минуту козел Козел боднул в спину Игнашку, Игнашка толкнул Сашку, Сашка упал на Пашку. А сердитый лай Люкса раздавался над мальчишками. Курильщики бросились к роще, но им навстречу, опустив рога, шли коза Марта и знакомая корова.

— Забодают, — заплакал Пашка.

— В огород! — скомандовал его брат Игнашка.

Мальчишки полезли через забор бабушкиного огорода, но оттуда на них затыкал Черныш, залаяла за компанию Пустобрешка и свирепо зарычал Люкс.

Мальчишки соскочили на землю и припустили вдоль забора.

Преследовать их друзья не стали.

На поле боя валялись разбросанные папиросы и две рогатки. Посмотреть на трофеи прилетел воробей и прибежал Люкс.

— Рогатки! — воскликнул воробей. — Это из них стреляли мальчишки. Воробей и не заметил, что он опять стал чирикать правильно.

— Пойдите, пойдите, — сказал Люкс, — а ну-ка, воробей, чирикни!

— Чик-чирик! Чик-чирик! Чирик-чирик! — радостно зачирикал воробей.

— Друзья! Он перестал картавить, — заявил мудрый пес Люкс.

Все начали поздравлять воробья с выздоровлением, но Петя заметил, что среди трофеев всего две рогатки, а мальчишек было много.

— Трое, — поправил Люкс. — На Пеструшкиных цыплятах я научился считать до пяти.

— Вот что значит умный пес. Вот кому надо бы выдать очки, — сказала корова. — Но вы поглядите, что там тащит Черныш.

По траве мчался Черныш и нес в зубах третью рогатку. Он подобрал ее, преследуя Сашку, Пашку и его брата Игнашку. Рогатку Черныш бросил к лапам Люкса.

— Отвратительная штука эти рогатки, — поежился воробей.

— Давайте на них плюнем! — предложил козел Козел.

— Плюнем! — поддержали остальные, даже знакомая корова, только Марта сказала:

— Подождите минуточку, я попробую, что из себя представляют эти папиросы.

Марта нагнулась к пачке «Прибоя», вытянула одну папиросу и начала жевать, но сразу же выплюнула и долго трясла головой.

— Какая гадость, — сказала она наконец, — и что в этом табаке находят люди!

А солнышко уже закатилось, и пришла пора возвращаться по домам.

— Вам хорошо. У каждого из вас есть дом. А я ведь бездомный, — признался вдруг Козел.

— Но вы же работаете в совхозе? — удивилась Марта.

— Не берут, — опустил голову Козел. — Не берут и на довольствие не ставят. Да разве я лазил бы по чужим огородам...

Признание Козла всех огорчило. Но что они могли поделать.

— Может, написать заявление? — предложил Егор.

— Заявление — это хорошо, — заметил Люкс, — но мы же все неграмотные...

— Ну уж ты, Люкс, как всегда скромничаешь, — сказала корова. — Ты-то у нас можешь считать до пяти.

— Это так, — ответил пес, — но писать я не умею.

— Вот скоро в школу пойдет Галя, — вспомнил Петя. — Научится она писать. Мы ее попросим написать заявление. Она не откажет. Она ухаживает за нашими цыплятами, как за своими.

— Что ж, подождем, — согласился Козел и побрел в рощу. Идти ему, бездомному, больше было некуда.

Козел наконец устроился

Егор сидел на улице и ждал Андрея. Андрюшка с Колькой Самойленковым чуть свет ушли на рыбалку и вот-вот должны были прийти. Они унесли с собой и рака, который каким-то чудом добрался до лужи в конце огорода и прожил там много дней. Теперь рака, по совету деда, решили опять отпустить в речку. Пусть лазит там и не пугает кур.

Не думал в городе Егор, что полюбит сырую рыбу, а теперь он каждый раз, когда Андрюша возвращался с рыбалки, встречал его на улице. Андрей тоже не забывал kota и приносил ему то синявок, то гольянов, то чебаков.

И сегодня рыбаки вернулись довольные, принесли целый кулан карасей, а Егору чебака. Пока Егор обедал, а бабушка чистила рыбу, Андрюша рассказывал, как рак, только его отпустили в воду, бросился бежать подальше от берега, да не головой вперед поплыл, а хвостом. Только его и видели. Потом Андрейка рассказал, что в огороде, за переулком, орет козел.

— Мы туда шли, он орал, и домой возвращались — мекает. А где, не видно.

— Я в огород заглядывал, — сказал Колька, — не видать. А орет во всю мочь.

Андрюшкин рассказ встревожил Люкса — не их ли приятель Козел попал в беду.

— Воробей, ты слетал бы, посмотрел, — попросил он.

Воробей был занят. Он закусывал вместе с цыплятами, но отказываться не стал. Полетел он знакомой дорогой. Через улицу, через огород Кольки Самойленкова, тот огород, где стояло чу-

чело.

— Стоишь? — спросил он.

— Стою. А ты давай лети! Не положено здесь задерживаться, а то ведь я и зареветь могу.

Ждать, когда чучело заревет, воробей не стал, а направился к переулку. Уже над переулком услышал он знакомый голос Козла. Доносился он из огорода, где цвело много подсолнухов и тянулась от плетня к плетню капустная грядка.

Один раз пролетел воробей над этим огородом, второй — меканье Козла слышит, а самого его не видать. Сел тогда воробей на подсолнух, подкрепился семечками и в третий раз отправился облетать огород. И тогда-то, пролетая над старым, обвалившимся колодцем, он увидел в нем козлиные рога.

mir-knigi.org

Сел воробей на замшелый сруб, зачирикал в колодец:

— Козел, а, Козел, как ты сюда попал?

— Попал я, брат, попал, — пожаловался Козел. — Такая со мной история случилась. Забрел я в этот огород ночью и не заметил колодца. Вот и завалился, и выбраться не могу. А огород-то этот, знаешь, чей? Зоотехника совхоза! Теперь меня в совхоз ни за что не возьмут. Скажи Люксу, что и заявление писать не надо...

— Да мы тебя спасем, — пообещал воробей.

— Как вы спасете? Отсюда меня только веревкой вытянуть можно. А кто станет помогать бездомному козлу? Прощай, воробей! Кланяйся Люксу, козе Марте и всем нашим. Скажи, чтобы не поминали лихом.

Печальный вернулся воробей домой и рассказал о беде Козла Люксу.

— Пошли, Черныш, — позвал Люкс щенка, — надо выручать Козла. Хотели идти Егор и петух Петя, но Люкс брать их не стал — далеко, да и опасно лазить в чужой огород.

Только вышли старый и молодой пес за калитку, как встретили Марту.

— Далеко ли? — спросила Марта.

Пришлось и ей рассказать про беду, в которую попал Козел. Услышала Марта, что и ей поклон козел Козел передал, растрогалась и сказала:

— И я с вами.

— Тебе же нельзя в чужой огород лазить, — пытался остановить ее Люкс, но Марта настояла на своем.

В переулке у огорода, из которого доносилось жалобное меканье Козла, Люкс все-таки уговорил Марту не перелезть через плетень.

— Стой здесь. А если, в крайнем случае, понадобится — позовем. Кое-как нашел Люкс в плетне такую дыру, через которую ему удалось протиснуться в огород. Пролез в нее сам, а потом уже Черныша позвал. Побежали они между грядок и быстро нашли старый колодец. Козел обрадовался друзьям, растрогался.

— Спасибо, Люкс, спасибо, Черныш, что навещать пришли. Может, больше и не свидимся. Пропаду я здесь, и капуста не пощиплю перед смертью.

— Да ты подожди отчаиваться, может, что-нибудь и придумаем.

— Что придумаешь? Здесь веревка нужна и люди, иначе меня не вытянешь.

— Да, без веревки тебя не спасешь, — согласился Люкс. — Слушай-ка, а что если нам позвать хозяев?

— Не пойдут они, — печально ответил Козел.

— Ну, это мы сейчас проверим, — сказал Люкс и приказал Чернышу: — Лай! — и сам принялся лаять.

Долго старались Люкс и Черныш, а из дома в конце огорода никто не появился. Когда уже псы

немного охрипли, вышла во двор женщина. Постояла, покачала головой и вернулась в дом.

— Кончай, Люкс, — сказал Козел. — Не надрывайтесь. Видно, пропадать мне...

Но Люкс решил бороться за жизнь друга до конца.

— Давай выть, — сказал он Чернышу. — Люди не любят, когда мы воем, и обязательно прибегут.

— Дед, а как это выть? — не понял щенок.

— Я сейчас завою, а ты слушай и учись.

Люкс сел на задние лапы, поднял к небу морду, вспомнил долгую зимнюю ночь, когда весь поселок занесен снегом, а мороз пробирает насквозь, и жалобно завыл.

От печального воя Люкса Чернышу стало не по себе. Он тоже сел на задние лапы, задрал морду и сам не заметил, как стал подвывать.

Не прошло и нескольких минут, как из дома выскочили хозяин с хозяйкой, замахали руками, закричали на собак. А Люкс с Чернышом, будто их и не видят, воют в два голоса. Хозяин схватил метлу, хозяйка веник и побежали в огород. Добежали они до колодца и увидели Козла. А Люкс и Черныш сразу замолчали.

— Смотри, куда козел свалился! — ахнула хозяйка. — А я думаю, кто это у нас в огороде мекает. Посмотрю в окошко — никого не видно. А он, сердешный, все мекает.

— Да это же козел-бродяга, без роду без племени, — узнал Козла хозяин. — Придется его забрать на ферму, хватит ему лазить по чужим усадьбам. Тащи-ка, жена, веревку, ту, что в кладовке на бочке лежит.

Услышав о веревке, Люкс и Черныш пустились бегом в переулок и уже оттуда наблюдали вместе с Мартой, как мужчина и женщина вытянули из колодца страдальца Козла.

Вытащив Козла, хозяин выломал хворостинку и погнал его на ферму к крупному рогатому скоту.

— Только попробуй сверни в сторону, я тебя сразу огрею хворостиной, — приговаривал он по дороге.

Но козел Козел и сам не думал убежать. Сбывалась его давняя мечта...

Утром на следующий день козел Козел вышагивал вместе с совхозным стадом, но уже не позади всех, а впереди! Теперь он был не бездомный козел, а совхозный, как и все важные коровы, что степенно шагали за ним.

Поравнявшись с домом деда и бабки. Козел хотел крикнуть своим друзьям, как кричал всегда: «Привет, одиноличники!» — но передумал.

— Здорово, ребята! — скромно сказал он.

— Привет! — ответил ему петух Петя.

— Здорово! — сказал Люкс.

— Доброе утро, — поздоровалась Марта и пригласила: — Заходи, поговорим.

— Хотел бы, да не могу, — ответил на ходу Козел. — Сама видишь — дела! — и пошел дальше впереди стада.

Егор заболел

Каникулы кончились, и с этим ничего нельзя было поделаться. Они, каникулы, как мороженое. Купишь порцию и думаешь — вот это да! Целая порция! А лизнешь раз, лизнешь другой — уже немножко нет. А как дойдешь до половины, чувствуешь — мало осталось. Да и порция уменьшается все быстрее и быстрее. Лижи не лижи, она сама тает. Поэтому уж лучше лизать, хоть и жалко.

Так и с каникулами. В первые дни Андрюшка и Колька носились по поселку и думали, что конца каникулам не будет. А они уже начались и шли потихонечку, день за днем. Потом остался всего месяц, а там и полмесяца. Теперь от каникул оставались считанные денечки. Хочешь — бегай, хочешь — сиди дома, а они все равно кончаются. Поэтому Колька с Андрюшкой совсем отбились от дома. С утра — удочки на плечо и на речку.

В последний раз они взяли с собой Черныша. Люкс с завистью смотрел им вслед, а потом весь день сидел и ждал возвращения рыбаков.

Черныш прибежал довольный-предовольный. Как же, он гонялся за полевой мышью, поймал лягушку, подкрадывался к настоящим куликам и спугнул цаплю.

— А следов там, дед! — запыхавшись, рассказывал он. — По переулку Козел прошел — след оставил. По Луковой поляне — дядька в резиновых сапогах. Я хотел по его следу бежать, да хозяин Андрей не разрешил. Тогда я мышкин след нашел и за ней припустил. Чуть-чуть не догнал, и опять хозяин Андрюшка помешал.

— Молодец, — похвалил Люкс, — учишься ходить по следу. Нюхай получше, соображай, что к чему. Вот, помню, поехал я на охоту с ночевкой. Хозяина, конечно, с собой взял. Забрались мы далеко. Хозяин костер развел, стал чай кипятить. А я побежал прогуляться. Чую — незнакомый запах. Я взял след...

Люкс замолчал и прислушался.

— Ну, дед, а что дальше? — расспрашивал щенок.

— Погоди, послушай, что Андрей говорит...

Андрюшка удивленно кричал бабушке, что Егор совсем не обрадовался рыбе.

Кот действительно, когда пришли рыбаки, как всегда встретил их у калитки, понюхал гольянов, которых специально для него наловил Андрей, и вернулся в дом.

— Беда, Андрюша, — отозвалась бабушка, — он с утра ничего не ест, не пьет. Заболел, наверно. Целый день под кроватью лежит.

— Ничего, отойдет, — успокоил Андрея и бабушку дед.

— Ладно, — согласилась бабушка, — утро вечера мудренее.

Но и на следующий день Егор не стал есть. Напрасно бабушка давала ему по-городскому подогретой жареной рыбы, а Галя приносила от Петровны парного молока. К еде Егор не притронулся.

На третий день, со впалыми боками, еле вышел Егор на крыльцо и улегся на солнышке.

Дед копался в огороде. Галя вместе с Пеструшкой вывела цыплят на травку на улицу. Черныш опять убежал с рыбаками. Во дворе остались только Люкс да петух Петя.

— Ты что это, Егор, разболелся? — спросил Люкс. Кот хотел ответить, но не смог.

Попробовал разговорить кота Петя, но тоже не сумел. Кот лежал ко всему равнодушный и будто не слышал слов друзей.

— Да ты встряхнись, Егор, побегай, — советовал Люкс. — Я, бывало, на охоте так набегаюсь, что готов старую галошу съесть. И ты набегаешься и есть начнешь.

— Верно, Егор, побегай, — подхватил Петя. — А я в огород схожу, в грядке пороюсь, хоть бабка и гоняет меня с грядок. Зато я там тебе такого червяка найду — закачаешься! А если хочешь — поешь цыплячий корм. Очень вкусная штука.

— Может, комаров тебе наловить? — подал голос воробей. — Так я мигом слетаю!

А Егор по-прежнему лежал скучный, даже хвостом не шевелил.

— Плохо дело, — сказал солидно воробей. — У сельмага один воробей вот так же перестал клевать, задумался, а кошка его цап-царап и съела.

Но и эти слова воробья не подействовали на Егора. Он пролежал на крыльце до вечера, не стал смотреть улов, не взглянул на знакомую корову, когда она возвращалась домой.

За ужином бабушка пристала к деду:

— Сходил бы ты завтра к ветеринару да позвал его.

— Не пойдет ветеринар к коту, у него и так дел много, — из-за газеты ответил дед.

— Вот, — рассердилась бабушка, — тебе бы только газеты читать. А тут такой умный кот погибает. Пропадет, что я тогда внукам-то скажу. Они уже вот-вот с океана приедут. Спросят: где наш кот? А кота-то и нет.

— Ладно, — отозвался дед, — ты лучше послушай, что в Африке творится. Совсем редко стала газеты читать.

Но бабушка не захотела слушать про Африку, а сказала:

— Не хочешь фельдшера звать, тогда я завтра сама Егора к нему понесу. Вот с Галей и

понесем.

— Понесем! — обрадовалась Галя. — Только он, бабушка, будет царапаться.

— Не будет, — и бабушка взяла Егора на руки. — Видишь, он совсем смирный стал. Чует, что мы ему помочь хотим.

Держала бабушка Егора на руках, а сама думала, что же у него может болеть? Простудиться кот не мог. Объесться — тоже, он не жадный. Может, рыбьей косточкой подавился? Подняла бабушка Егора поближе к электрической лампочке, разжала ему рот, и показалось ей, что там действительно торчит тоненькая кость.

— Андрюша, — скомандовала бабушка, — тащи щипчики! Дед, давай-ка мне твои очки.

Андрюша моментально принес маленькие щипцы-плоскогубцы. Дед поворчал немного: «Тоже мне, кошачий врач нашелся», — но очки дал.

Надела бабушка очки и сразу сделалась серьезной и важной. Вот бы увидела ее в эту минуту знакомая корова! Даже Галя закричала:

— Ой, бабушка, ты сейчас, как профессор!

Хотела бабушка заглянуть Егору в рот, но Егор больше не давался. Он начал царапаться и выскользнул у бабушки из рук. Но Андрюша моментально поймал ослабевшего кота. Теперь Егора держали Андрей и Галя, а бабушка разжимала ему рот.

Егор орать не мог и молча отбивался лапами от бабушкиных помощников. Андрея он поцарапал сразу, а Галю немного погодя.

— Да оставьте вы его, — сердился дед. — Ладно, уж схожу я завтра за ветеринаром.

Но бабушка, если бралась за что-нибудь, то на половине дело не бросала. Она разыскала старое одеяло и закутала в него Егора так, что торчала из одеяла одна голова.

— Он теперь как кукленок! — кричала Галя и от восторга хлопала в ладоши.

Петух Петя сидел в это время на насесте в курятнике и рассказывал курицам про болезнь кота. Курицы удивлялись, кудахтали:

— Жалко, — говорила Пеструшка. — Он же спас меня и моих цыпляток от страшного зверя.

— И не говори, и не говори! — кудахтала Белушка. — И нас он спас!

— Куры, ша! — вдруг встрепенулся Петя. — Слышите? В доме-то весело кричат! Что-то там случилось.

Неугомонные куры затихли и услышали, как радостно смеется Андрей, как взвизгнула в восторге Галя.

А произошло в доме вот что.

Закутав Егора в одеяло, бабушка разжала ему рот и вытянула оттуда щипчиками тоненькую острую косточку. Она-то и не давала Егору есть и пить, мешала мяукать и чуть не погубила кота.

После этой операции посидел Егор немного на полу, а потом, покачиваясь, направился к блюдцу и жадно стал лакать воду.

— Да это что же такое! — встрепенулась бабушка. — Больной кот пьет сырую воду! Галя, быстренько налей ему молока! Андрюша, тащи сюда своих гольянов!

Никто не заметил, как скрипнула дверь и в кухню боком протиснулись сначала Люкс, потом Черныш. Они уселись у порога и вместе со всеми наблюдали, как ест изголодавшийся кот.

А утром Егор, как ни в чем не бывало, вышел, потягиваясь, на крыльцо и спросил у Люкса, и петуха Пети:

— А что, ребята, хорьки тут без меня не появлялись? Про мышей ничего не слышно?

Галя идет в школу

Об этом знали все во дворе, знала вся улица от переулка, что вел в сельмаг, до второго переулка, по которому ходили на Луковую поляну, речку и на охоту. Да, очень многие знали, что завтра Галя пойдет в первый класс.

— Это хорошо, — сказала вечером знакомая корова. — В школе Галя узнает, кто же все-таки произошел от обезьяны.

— Если вас интересует мое мнение, — заметила коза Марта, — то я считаю, что от обезьяны произошли те мальчишки-курильщики, которых мы так славно проучили.

— Может быть, может быть, — почти согласилась корова, — но мы лучше спросим об этом потом у Гали, когда она придет из школы.

— Она научится читать газеты, напечатанные самыми маленькими букашками, — прочирикал воробей, и сам себя поправил: — Я хотел сказать не «букашками», а «буквашками»...

— Буквами, — заметила Марта.

— А я никогда не читаю газет, — глубокомысленно произнес Егор. — Зачем портить глаза.

Дед все равно новости расскажет бабке, и я все услышу.

Люкс в это время думал, что завтра он обязательно пойдет провожать Галю до школы, как ходил не раз провожать Андрея. Пусть там попадутся собаки, с которыми он дрался в молодости, но он все равно пойдет.

— Да, Люкс, ты не слышал, — спросила корова. — Гале, пожалуй, тоже теперь выдадут очки, как выдали деду и Андрюшке! Или подождут и дадут тогда, когда она научится читать?

— Право не знаю, — ответил пес, — их почему-то выдают не всем. В школу ведь бегают много мальчишек и девочек, а очки носят не все...

— Наверное, их дают самым умным, — заметила корова.

К собеседникам подошел петух Петя, послушал, о чем идет разговор, и сказал:

— Да, и мне бы поучиться неплохо. Вдруг на будущее лето цыплят выведут сразу Пеструшка, Хохлатка и Белушка, как я их сосчитаю! Тяжело быть неграмотным.

В соседнем дворе хлопнула калитка, и Мартина хозяйка крикнула:

— Марта, козочка, где ты бродишь! Иди, я дам тебе капустки!

— Побегу, — сказала Марта. — Капустные листья мое хобби.

— Хобби? Что такое хобби? — не поняла корова.

— Хобби — это иностранное слово. Обозначает оно увлечение. Приве-тик! — и Марта убежала.

Разошлись и остальные.

А утром первого сентября петух Петя прокукарекал подъем чуть-чуть пораньше обычного, чтобы Галя не проспала, бабушка успела поджарить яичницу и чтобы все приготовились провожать ученицу.

Галя появилась на крыльчке с розовым мылом в руках и белым полотенцем на плече.

— Люкс, если хочешь, иди помой со мной лапы! — крикнула она.

Люкс не собирался мыть лапы, но все равно радостно завилял хвостом и подошел к умывальнику.

Пока Галя старательно мылила и мыла руки, шею и лицо, Андрюшка успел сбегать к Кольке Самойленкову и договорился с ним поехать после уроков за грибами. Потом он один раз оплеснул водой щеки, потер нос полотенцем и побежал завтракать.

И потянулись томительные минуты ожидания.

Воробей успел слетать до школы и вернуться.

— Ну что тут, ребята? — крикнул он. — Собираются?

— Собираются, — успокоил его Люкс.

— Что-то медленно. У школы уже много детворы. Как бы Галя не опоздала.

— Пойду посмотрю, что она там делает, — решил Егор и ушел в дом. Но и он как пропал.

Наконец дверь скрипнула, к ней кинулись куры, петух Петя и Черныш. Все думали, что это выходит Галя. Но вышел дед. Правда, в глаженной рубашке, а от бороды его пахло одеколоном.

Через некоторое время с улицы свистнул Колька Самойленков, и тут же из дома с сумкой в руках выскочил Андрюшка.

— Ну, я пошел! — крикнул он от калитки и убежал.

«Может, раздумали, — заскучал Люкс. — Может, решили, что Галя еще мала и ей рано учиться? Но как это объяснить знакомой корове?»

Только он так подумал, как на крыльцо вышла Галя в новом черном платье, белом фартуке, с портфелем и цветами в руках.

За Галей, одергивая и разглаживая ее платье, шла бабушка. Петя хотел закукарекать и уже вытянул шею и набрал в грудь побольше воздуха, но, одумавшись, решил, что минута настолько торжественна, что лишний шум здесь не нужен.

А вот вышла из дома и Галина мама, она только ночью вернулась из отпуска, и Галин папа, и все они направились к калитке.

Здесь все еще раз осмотрели первоклассницу от бантиков на косичках до туфельек. Каждому непременно хотелось поправить ей фартук или разгладить складку на платье. Как водится, наговорили ей много советов и наконец отпустили.

— А где же Егор? — вдруг вспомнила Галя.

— Был вроде в избе, — ответил дед.

Бабушка побежала в дом, чтобы разыскать и принести Егора. Ему ведь тоже надо было проститься с первоклассницей. Галина мама стала звать Егора: «Кис, кис, кис!» Но ни в доме, ни во дворе кота не оказалось.

— Противный кот, — обиделась Галя. — Не хочет меня проводить. Так ему и передайте, что он противный.

И тут из сада, в щель между двумя досками, протиснулся Егор, подбежал к Гале и положил к ее ногам — мышку!

— Ой, взвизгнула Галя.

— Вот видишь, — сказал дед. — Это он тебе сделал подарок, — и погладил кота.

Провожали Галю до школы бабушка, Люкс и Черныш. Бабушка шагала рядом с ученицей. Черныш бежал впереди и все время оборачивался, ему казалось, что бабушка и Галя шагают очень медленно. Шествие замыкал Люкс.

У дома Петровны Галя обернулась и крикнула:

— Не забудьте покормить цыплят!

— Да уж не забудем! — ответила ей мама.

У школы, как и полагается в такой особенный день, было очень весело. Здесь толпились мальчишки и девчонки, стояли их родители и учителя, а над ними плескались флаги.

Черныш моментально разыскал Андрея и от радости стал прыгать, пытаясь лизнуть его хотя бы в подбородок. Андрюшка закричал:

— Черныш! Пошел домой!

Но Черныш не послушался, а кинулся к Гале. С ней, когда прозвенел звонок, он ухитрился прошмыгнуть в школьный коридор и даже добежал до Галиного первого класса. Но тут его заметил Колька Самойленков, подхватил на руки и потащил к Андрюшке на второй этаж.

Андрюшка хотел отнести щенка на улицу, но в конце коридора увидел учительницу, перепугался и принес Черныша в класс. Там они с Колькой посадили Черныша в парту и пристращали:

— Смотри, если залаешь, мы тебе всыплем и за грибами не возьмем.

К счастью, в парте, на Андрюшкином портфеле. Черныш уснул и проспал: весь урок, ни разу не твякнув. Зато дома он расхвастался и объявил Люксу, Егору и петуху Пете:

— А я в школе вместе с Андрюшкой учился.

— Ну, как там? — спросил Петя. — Трудно, наверно?

— Нет, нисколечко не трудно, только тесно!

— Почему же тесно? — не понял Петя.

— А там всех в такие ящики садят, ну в парты, и велят сидеть тихо-тихо, а то попадет.

— И правильно, — заявил Люкс. — Тишина в школе нужна, а то учителя никто не услышит.

— Вот поэтому, значит, и трудно в школе, — сказал Петя. — Я бы ни за что долго не просидел в парте. Убежал бы. Видно, так уж и быть мне всю жизнь неграмотным.

Проводы

А на следующий день состоялось сразу двое проводов.

С утра провожали Черныша на первую охоту. Он то заскакивал в дом, то выбегал во двор. Хозяин при всех сказал, что слышала даже знакомая корова, что берет его с собой.

— А я, папка? — просил Андрюша.

— Тебе в школу надо, а мы с Чернышом поедем с ночевой.

Все вроде складывалось хорошо, но вдруг хозяин передумает... И Черныш не находил себе места.

Люкс хорошо понимал состояние молодого пса, но не вмешивался.. «Пусть поволнуется, — думал он. — И я перед охотой от радости прыгал».

Но вот сборы окончились. Хозяин надел ружье, свистнул Чернышу, и охотники ушли.

А после обеда провожали Егора. Каникулы kota окончились, и он уезжал домой в город.

— Ну, вот, — сказала бабушка, — мышей ловить ты научился, есть всякую пищу — тоже. Смотри, в городе не привередничай.

— Приезжай еще, Егор! — кукарекнул на прощание с поленицы петух Петя, когда бабушка понесла Егора, все в той же сумке, в какой и принесла, к автобусу.

— Не забывай, Егор, — сказал Люкс. — Если там, в городе, заведутся хорьки, позвони, у вас же есть телефон. Я как-нибудь доберусь, помогу тебе с ними разделаться.

— Скатертью дорога! — мекнула из своего двора коза Марта.

В ответ Егор что-то замыкал, но что именно, никто не разобрал. А автобус уже сигналил, торопя бабушку. Дед посадил бабушку, дверь автобуса зашипела и закрылась, и он покатил мимо двора козы Марты, мимо калитки знакомой коровы и завернул в переулок.

Люкс пробежал за машиной немного и отстал.

Так окончились каникулы kota Егора.

Вечером, когда у знакомой калитки собрались корова, козел Козел и молочница Марта, во дворе уже не было двух их друзей. Молодой пес Черныш, прошу заметить, уже не щенок, а пес, выслеживал на синих озерах диких уток. Кот Егор укатил на автобусе в неведомый город.

— Да, — заявил воробей, — жизнь идет...

Знакомая корова тяжело вздохнула, Марта потерлась о забор и, глядя на печального Люкса, сказала:

— А я успела с Егором проститься! Ты же, Люкс, слышал? Представляете, хозяйка принесла

мне капустных листьев. Прямо с грядки. Принесла и говорит: «Ешь, моя козочка!» Но какие тут листья, когда уезжает Егор. Мы ведь с ним так подружились. Я схватила всего один листочек и побежала к ограде. И, знаете, успела вовремя. Только я крикнула: «Скатертью дорога!», как автобус замекал и побежал.

Корова опять вздохнула, да и было отчего. Она ведь была на пастбище и не видела, как уходил на первую охоту Черныш, как уезжал Егор. А может быть, и хорошо, что ее тут не было, а то ведь она могла при всех расплакаться.

— А вот я, — вдруг решительно потряс бородой Козел, — а вот я обязательно как-нибудь схожу в город. Попрошу в совхозе отпуск и пойду, навещу Егора.

— Ох, далеко, да и не найдешь дорогу, — возразил Люкс. — Уж на что я не мало живу на земле, а в городе так ни разу и не охотился.

— Найду дорогу, — твердо сказал Козел. — Побегу за автобусом. Куда он, туда и я.

— Уж я и не знаю, — задумчиво произнесла корова, — что тебе посоветовать? В город-то ты дойдешь, а вот как там Егора разыщешь?

— Хе! — усмехнулся козел Козел. — А козлы зачем? Встречу городского козла, расспрошу. Козлы везде лазят, уж они-то все знают.

— Может быть, может быть, — согласилась корова.

А Козел вслух мечтал, как он неожиданно заявится к Егору.

— Дверь будет закрыта, в окно заскочу и как мекну: «Здорово, брат!» Ну, тут начнутся разговоры, расспросы. Про всех вас, ребята, расскажу. Может быть, хозяева Егора меня какой-нибудь особенной городской капусткой попотчуют. Переночую у них на кровати. Хоть и говорят, что неудобно на ней спать, а придется. Переночую, а утром — домой. Только вы меня встречайте возле сельмага.

— Чи-чи-во там, встретим! — пообещал воробей.

— Ты меня, конечно, извини, — сказала корова. — Только уж ты в окно не прыгай. Придешь, вежливо так постучи рогами в дверь, тебе и откроют. Да и громко мекать не следует, а то что хозяева Егора о тебе могут подумать. Скажут — невоспитанный.

— Может, гостинец какой Егору послать? — чирикнул воробей.

— Пожалуй, можно молочка, например, как ты думаешь, Люкс? — сказала корова.

— Молочка можно и хорошо бы рыбки, — отозвался Люкс. — Андрюшка рыбки поймает, и пошлем. И скажи ему, пусть звонит, если что.

— Эй, ребята, посторонись, — крикнул с дороги петух Петя.

Знакомая корова, козел Козел и Марта отошли от калитки. А с улицы во двор прошествовала курица Пеструшка и ее уже подростшие дети.

— Вот и цыплята растут, скоро курицами станут, — проговорила им вслед корова. — И как ты, Петя, будешь справляться с таким большим семейством?

— Ничего, управлюсь. Главное — порядок и дисциплина... Пеструшка! Шагай прямо в курятник. Вечер на дворе.

— Ко-ко-конечно! — отозвалась Пеструшка.

— Белушка, Чернушка! Марш на насест! — распорядился Петя.

— И нам, соседка, пора, — сказала Марте знакомая корова.

— Однако и я пошел! — заявил козел Козел. — А то там на скотном дворе зоотехник беспокоиться будет. Уважает он меня... Ну, общий привет!

Городские бабушкины внуки встретили Егора визгом и криками.

— Мама, ты посмотри, как он вырос! Здоровенный стал, как бегемот!

— Егор! Егор! Кис-кис!

Целый вечер бабушка рассказывала о жизни Егора в поселке. И про то, как он чуть не убежал на второй же день, и как он поймал хорька, и научился ловить мышей, и про... В общем про все, что с ним случилось за лето.

А кот ходил по забытым комнатам и все, что попадалось, обнюхивал. Волейбольный мяч, пустую бутылку из-под кефира, фотоувеличитель, крашенный пол...

— Вот ведь интересно, — продолжала бабушка, поглядывая на кота, — и цыплят он не таскал и с Люксом не дрался. Кошки ведь всегда дерутся с собаками. А наш Люкс и Егор лягут рядом на крыльчке и будто беседуют.

— А может, бабушка, они и правда разговаривали? — допытывался городской внук.

— Вот уж чего не слышала, того не слышала, — с улыбкой ответила бабушка.

— Они, наверно, когда людей рядом нет, говорят себе сколько хотят, а как вы с дедушкой подойдете или Андрей прибежит, — раз — и замолчат!..

— Не знаю, не знаю, — говорила бабушка.

Мальчик отнял Егора у сестры, которая только что взяла его на руки, и спросил, заглядывая коту в глаза:

— Сознавайся, Егор, разговаривал с Люксом? Да? Егор хитро подморгнул мальчику обоими глазами.

— Вот видите! — обрадовался мальчик. — Разговаривал! Глазами моргает!

— Ну, ну! — сказал мальчику папа. — Не выдумывай! Это он просто так моргнул.

На этом разговор и окончился.

А под Новый год у мальчика выпал зуб.

— Ничего, — успокаивал его папа, — в будущем году вырастет новый. Да мальчик и так не унывал. Он ходил вокруг украшенной елочки и приказывал:

— Ну-ка, ёлочка, зажжись!

Так он говорил потому, что говорить правильно мешал выпавший зуб. Сказав «зажжись», мальчик нажимал выключатель.

На елочке сразу вспыхивали разноцветные продолговатые лампочки. От их света блестели, словно тоже начинали гореть, синие, зеленые, красные, золотистые игрушки, и в комнате наступал праздник!

Кота Егора сначала пугали странные огоньки, и он смотрел на них издали, с дивана. Но потом осмелел и подошел к самой елочке. Он долго нюхал незнакомые запахи хвои, но мышами здесь не пахло, и кот ушел на кухню, где более приятно пахло жареной рыбой.

А мальчик чувствовал себя волшебником. Стоило ему приказать: «Ну-ка, ёлочка, зажжись!» — и ёлка загоралась, и он ходил и снова командовал: «Ну-ка, ёлочка, зажжись!»

Поздно ночью, наверно, часов в десять, мальчик лег спать на своем диване и быстро уснул. Тогда из кухни пришел Егор. Он встал на задние лапы, передние заложил за спину, точно так, как это делал мальчик, и стал ходить вокруг ёлочки. Походил он, походил, посмотрел на спящего мальчика и вдруг сказал:

— Ну-ка, ёлочка, зажжись! — словно у него тоже выпал один зуб.

Но лампочки не вспыхнули. Кот почесал лапой затылок и сказал сам себе под нос:

— Не зажижается...

Он еще походил немного и опять сказал:

— Ну-ка, ёлочка, зажжись!

Ёлочка опять не загорелась, и кот вздохнул:

— Не зажижается!

А мальчик лежал на диване и улыбался. Он ведь знал, что надо нажать выключатель, а кот этого не знал.

Утром первого января мальчик рассказал папе, что ночью кот Егор разговаривал. Но папа и на этот раз не поверил.

— Все это тебе приснилось, — сказал он. — Под Новый год часто снятся сказки.

mir-knigi.org

24 коп.

